

СТРАЖЕР

Виктор Точинов
Александр Щеголев

[ТРЕТЬЕ ПРИШЕСТВИЕ]
АНГЕЛЫ АДА

Апокалипсис-СТ

Виктор Точинов

Третье пришествие. Ангелы ада

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Точинов В. П.

Третье пришествие. Ангелы ада / В. П. Точинов — «АСТ»,
2017 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-103640-9

Он – повзрослевший Питер Пэн, в миру Пётр Панов, аномал-технокинетик, родившийся в Хармонтской Зоне и ребёнком прошедший все Её круги. Бешеный тип, отмороженный на всю голову. Его жена – бывшая Горгона, грозный аномал-суггестор, отвязанная и столь же неуправляемая. Вырвавшись из Хармонта, эта парочка сумела стать своей уже в Питерской Зоне. Их дети-близнецы, обладающие феноменальными способностями, как выяснилось, интересуют не только военных спецов, делающих из «детей сталкеров» оружие. Близнецов похищают, таинственные похитители растворяются в Зоне. Семейная катастрофа странным образом совпадает с катаклизмом городского масштаба: изрядный кусок Хармонтской Зоны прорывается в Питерскую, наложившись на местные чудеса и диковины. Сумеет ли разъярённый отец вернуть своих девочек? Всё против него – измена близких людей, интриги соратников. Наконец, сама Зона с её скверной и бесовщиной... Лишь ангелы этого Ада помогут Питеру Пэну пройти назначенный ему путь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-103640-9

© Точинов В. П., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Часть первая. В семье не без урода	7
Глава 1. Последний обитаемый остров	7
Глава 2. Тихие семейные радости	23
Глава 3. Те же и Бабуин	31
Глава 4. Сюрприз на Театральной	39
Глава 5. Две беды Новой Голландии	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Виктор Точинов, Александр Щёголев

Третье пришествие. Ангелы ада

© В. Точинов, 2017

© А. Щёголев, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Анфисе Вистингаузен и Ольге Щёголевой посвящается

Часть первая. В семье не без уroda

Глава 1. Последний обитаемый остров

Понятно, что заваруха началась на три дня раньше, когда накрыло Невский, но лично по мне шархнуло в тот момент, когда я готовил Зайку-Мурата к погружению.

Не только по мне шархнуло, весь наш филиал чуть было не схарчили без соли и перца. И вообще эта пакость зацепила немаленький участок площадью с квадратный километр – между Театральной площадью и Благовещенским мостом. Но разве мог я тогда предположить, что и удар по Невскому проспекту, и нападение на Новую Голландию, и даже наш с Натали легендарный побег десятилетней давности – звенья одной цепи?

В бреду бы не привиделось!

Эх, если б я хоть что-то почуял и вовремя сбежал куда подальше, прихватив семью под мышки... Нет, ничего я тогда не почуял. У доблестного Питера Пэна другие таланты, пропади они пропадом...

Над филиалом стоял туман, привычная разреженная дымка. Туманы для исторического центра Питера – норма, они здесь всегда и всякие, что утром, что днем или ночью, и хорошо, если без подвохов и каверз. Сейчас – без подвохов. И ветра нет. Голоса тонут в клочьях промозглой ваты. Небо надежно спрятано, Мойку не видно, бывшие пакгаузы вылезают из мышастой хмари кирпичными боками. Но в целом – ориентироваться можно.

Остров Новая Голландия – последний обитаемый остров невоской дельты. Последнее жилое место Санкт-Петербурга (места обитания нежити, порожденной Зоной, – не в счет).

Здесь разместился филиал номер семнадцать ЦАЯ, кодовое обозначение «Виварий».

Мне такое обозначение не нравилось, руководителю филиала – тоже, и мы пытались поначалу использовать название «Детский сад» хотя бы неофициально, между своими, – в память о заведении, канувшем в далеком Хармонте. Но не прижилось – иная страна, иной менталитет, иные смыслы и коннотации тех же слов: здесь «детским садом» называют нечто глупое и наивное, затеянное людьми с детским ай-кью... И мы с Эйнштейном смирились с Виварием, привыкли за годы.

Остров хорош тем, что это маленькая крепость. Треугольник суши, отделенный от города речкой Мойкой и двумя каналами, во все века был закрыт и отдан в безраздельное владение военно-морскому флоту. По большей части периметра – глухие зады кирпичных зданий, повернутых лицом внутрь острова. Вдобавок вдоль всех берегов, заросших плотным кустарником, тянется высокий забор. В двадцать первом веке эту историческую территорию ненадолго открыли для туристов, а потом... ну, все знают, что стало с Петербургом потом.

Обособленность Новой Голландии способствует надежной охране от внешних проникновений и, кроме того, позволяет удерживать наших подопечных в границах филиала. Они у нас содержатся особо резвые, попытки побегов – не редкость.

Но главная ценность в другом. Здесь нет опасных ловушек – ни единой! «Сучью прядь» возле арки не считаем, она огорожена и вдобавок приспособлена к делу, приносит пользу. «Сучья прядь» – это «электрическая полоса», кусок земли под напряжением, как будто там высоковольтный провод пробило. Опасное, конечно, место, если по нему шагать. Можно прыгать, лучше на одной ноге. А почему полезная? Благодаря ему остров электрифицирован – это ж дармовый источник электроэнергии, и вечный к тому же. Ток, правда, дает постоянный, без инверторов не обойтись... Что еще? В воде, в одном из углов искусственного водоема, украшающего Новую Голландию, расплодился и притаился в ожидании жертвы «кислый ерш» – участок с неньютоновской жидкостью. Его присыпали светоотражающей фоль-

гой, чтобы сдуру кто не плюхнулся... Ну, вот и весь список аномалий. Поразительно безопасное местечко – это в Зоне-то! На всякий случай вертухаи регулярно обходят остров с проверкой – не объявилось ли какой новой дряни, – но пока ничего не меняется.

Все это вместе сделало Новую Голландию идеальным местом для специфических полевых работ...

Едва рассвело, и мы с Зайкой-Муратом стоим на краю Ковша, возле лесенки, спускавшейся до самой воды. Ковш – это и есть внутренний водоем (смешное название пришло из глубины времен, наверное, из-за формы). Топчем ногами полустертую надпись на дощатом настиле: «Купаться запрещено». Вернее, стою я один, а странное человекоподобное существо сторбилось на стальном ограждении – сидит, как птица на жердочке. Оно полностью готово: раздето до плавок, к поясу, стянувшему талию, пристегнут страховочный трос, на плечах, опять же для подстраховки, надувные нарукавники.

Подопечному предстоит лезть в воду впервые в жизни. Однако он абсолютно не волнуется, откровенно скучает. «Он» – потому что Мурат упрямо, до слез и до драки, считает себя мальчиком, что отчасти справедливо, но наши медики уверяют, что если передумает, а развитие его продолжится в прежнем русле, то через несколько лет Зайка сможет испытать радости материнства. Естественным путем, без кардинального хирургического вмешательства. Такой вот каприз искореженных Зоной генов...

В общем, генетический казус скучает на оградке, чуть ли не позевывает. Пока лаборант в гидрокостюме проверяет установленные в водоеме приборы, я в который раз втолковываю Зайке:

– Не бей сразу во всю силу. Нажимай постепенно, договорились?

Существо агрессивно, азартно и крайне беспечно. Трудно управляемо, как всякий звереныш. Одиннадцать лет (возраст зафиксирован точно), выглядит на пару лет старше, а психика малышова, зато возможности – дай бог взрослому аномалу (или не дай бог). Ну, для того здесь и я, чтобы управляться с такими.

– Н-н-не бойсь, П-пэн, – отзывается он (ладно, пусть будет «он», мне все равно, а существу приятно).

Заикается он сильно, особенно в общении с новыми людьми. Но в сравнении с теми мычащими звуками, что только и умел издавать пару лет назад, – златоуст. Логопеды Вивария свое дело знают.

Потому, собственно, он и Мурат-Зайка: Мурой или Муркой существо прозвали изначально, за попытки изобразить имя чем-то вроде коровьего «му-у-у-у». Потом по настойчивым, с истериками и драками, просьбам стал Муратом. А слово «зайка» плавно превратилось в Зайку, обычная история. Не любит он свое второе прозвище – девчоночье, дескать, но что тут поделаешь.

– Обещай мне, – требую я.

– Об-б-б-бе...

– Ладно, верю.

Я подмигиваю существу и хочу еще пошутить, чтобы, мол, экономил свои «батарейки».

Тут все и начинается...

Рядом громоздится Бутылка, она же – Арестантская башня. Массивное трехэтажное строение кольцеобразной формы, в котором когда-то была морская тюрьма. Бутылка – тоже прозвище, как и Ковш. Если кто не знает, то известное выражение «не лезть в бутылку» пришло в русский язык отсюда, с этого острова и из этой тюрьмы. Мощные стены камер, прочные двери с засовами и решетки уцелели с давних времен – и пригодились, теперь за ними живут аномалы, подопечные Вивария, а на первом этаже разместилась часть лабораторного комплекса. Моя Натали сейчас где-то там – на пару с Эйнштейном.

Натали сегодня захотела развеяться и развлечься. Жизнь в деревне для отмороженной экстремалки, пусть и повзрослевшей, – тоска смертная, понимаю. Так что стоило Эйнштейну ее поманить, дескать, нужен эксперт по аномалам-суггесторам, она рванула из дому, чуть калитку с петель не снесла.

Эксперт по суггесторам она, скажу по большому секрету, паршивый... Хотя сама суггестор далеко не последний. Но, например, отнюдь не слепые и не слабовидящие считаются лучшими специалистами по зрению. А эксперты по болезням матки зачастую сами вообще не имеют органа, служащего объектом их профессионального интереса. Однако Эйнштейн решил, что с налаживанием контактов и наведением мостов Натали справится лучше всех. Ему видней. И в Виварий мы прибыли вдвоем, оставив близнецов на моего отца – не впервой деду, справится...

Короче. Именно над Бутылкой, то есть над стрелкой острова, где стоит бывшая тюрьма, и разверзлись небеса.

«Разверзлись» – в смысле «открылись». Словечко из романов, его для красоты пишут, чтобы кинуть понты. Так я раньше думал – до сего момента. Невидимый исполинский нож двумя широкими взмахами вспарывает туман над нашими головами, и в сером разломе открывается чистейшая, головокружительная голубизна.

Невиданное дело! Обычно все наоборот: если милостью Зоны и появляется в небе какой-то просвет, он обязательно заволакивается плотной мутью. Облачность в Питере такая низкая, хоть люстры вешай. Облака твердые и грязные на вид, как подошвы ботинок, натуральный потолок этого мира. И вот потолок вскрыт. Туман разрывается с душераздирающим скрежетом, стремительно раздвигается, обнажая ясное июньское небо. От визга, с которым работает гигантский нож, закладывает уши. Техник что-то кричит мне из воды – я не слышу. Ветер вдруг бьет в лицо – коротко и зло. Возникает ослепительное солнце, я бы порадовался ему, если б успел. Кромки расползшегося серого марева – изумрудно-зеленые, и кусок неба по краям разрыва – тоже зеленый. Становится виден весь остров, вся Новая Голландия – от края до края, от обоих каналов до реки Мойки. По ту сторону Мойки – дома, старые кварталы, за которыми – Театральная площадь. Черная трава на газоне оказывается вдруг резко зеленой, контрастной... Лето во всей красе. Лето, которого в тумане и не видно было. Конец июня...

А потом меня накрывает. Голова вдруг раздувается, как подушка безопасности, – в один миг. Череп как аэростат, наполненный болью, и я бы взлетел, если б не был проткнут бесконечным стеклянным стержнем, упавшим с изумрудного неба. Аэростат лопается, боль разлетается рваными тряпками. Стеклянный стержень – это ось мира. Мир вокруг меня поворачивается, и я падаю. Вижу упавшего рядом Зайку-Мурата, выгнувшегося дугой в непонятных корчах; слышу, как он истошно и непонятно мычит; вижу, как выбегают из Бутылки сотрудники Вивария, как они валятся на траву, скошенные неведомой силой. Кто-то остается на ногах, раскачиваясь и заткнув уши руками, кто-то, присев на корточки, беззвучно визжит. Эйнштейн подхватывает и тащит Натали – спасибо тебе, шеф, не растерялся, объяснил бы ты теперь, что происходит? ЧТО ЭТО?!!

А потом накрывает уже весь наш заповедник уникальных зверюшек, наш остров доктора Моро...

Мир вокруг сминается и комкается, превращается в негатив и так застывает, стекленея, и тут же стекло карябает чудовищная вилка, этот скрип – за пределами человеческих сил, операция без наркоза...

Мы в шутку называли Адмиралтейский канал Адским (после неудачного сокращения в приказе по филиалу: Ад-ский к-л) и Зону за ним – Адом, а себя – ангелами, спускающимися порой с обетованных небес Новой Голландии, чтобы наводить там, в Аду, порядок.

Называли – и накликали... Ад решил нанести ответный визит.

Ворота в Ад распахнулись, и пространство идет изломами, разбивается на миллиарды отражений, вихряются осколки, радужные зигзаги бьют в искрящуюся землю, отражающую солнце... Это не Ад, наконец понимаю я, это Посещение. Настоящее. ОНИ снова снизошли до нас – как три четверти века назад...

Сколько длится безумие, непонятно, часы встали у всех.

– Э-э, ребята! Вот вам еще один Лоскут, – произносит спокойный голос сверху.

Я приподнимаюсь на локте. Рядом стоит Леденец и с любопытством осматривается. Что за фокусы, как он выдержал? Хоть бы хны ему, бодр и невозмутим.

– Лоскут? – вымучиваю я.

– Точно так, – отвечает он мне. – Над Гостинкой было примерно то же самое.

В норме не только Леденец, на ногах вся охрана, ну, практически вся за малым исключением. Обычный персонал тоже кое-как в строю. Выбило прежде всего нас, аномалов, особенно «электромагнетиков» – меня и Натали. У подопытных в их камерах, вероятно, та же картина, но это еще предстоит проверить...

Не знаю, какие тут еще силы начудили, но то, что электромагнитное поле Зоны временно сошло с ума, – точно. Во всяком случае, импульс был исключительной мощности, то-то мой кочан чуть не разорвало. Или таки разорвало – безо всяких «чуть»? Проверяю. Башка вроде на месте... Зона, тварь поганая, за что же ты не любишь собственных детей?

Поднимаюсь...

Насчет Лоскута – серьезное заявление. Леденец ведь был там, неподалеку от Невского, когда центр города превратился в черт-те что, наблюдал катаклизм своими глазами. Тот феномен принял форму полосы с ровными, как по линейке, границами, потому, собственно, сталкеры и обозвали возникший из ниоткуда участок Лоскутом. Этакая Зона в Зоне. Неужели прав Леденец, и мы здесь получили вторую такую «полосу»?

– Хотя нет, Пэн, – произносит разведчик с сомнением. – Похоже-то оно похоже, да не совсем. Над Невским было страшнее. И масштабнее, что ли. Меня-то краешком накрыло, да и то, знаешь ли, как серпом по Фаберже... А в эпицентре, говорят, невозможно было выдержать. Сталкеры сами себе уши прокалывали... в смысле, не как для пирсинга, а ножом с размаху в барабанную перепонку, чтоб не слышать то, что звучало... Прикинь? Другие слепли, сидели буквально за минуту... Не знаю, в общем, может, у нас тут и не Лоскут никакой?

– Разберемся, – вымучиваю я. – Ты, главное, стой где стоишь, не двигайся.

Он не задает дурацких вопросов «отчего?» да «почему?». Он и до моего приказа стоит на месте как приклеенный, шагу не сделал в сторону... Это работает чуйка, сталкерская чуйка, – врожденное инстинктивное чутье на опасность. Чуйке не учатся, тренировками ее не нарабатывают, она либо есть изначально, либо нет ее.

Но сейчас Леденец произошедшего не видит. Чует, что все вокруг изменилось и изменения опасны, – но не видит. Куда ему, обычному человеку, – пусть он и опытный ходок по Зоне, пусть один из лучших разведчиков Центра Аномальных Явлений.

Леденец ведь чисто питерский сталкер. В ЦАЯ вообще не так уж много универсалов с опытом работы в других Зонах, тем более в изначальных вроде хармонтской. Больше того, если кто-нибудь из здешних и топтал земли, загаженные инопланетянами, это был либо сибирский «торт», либо в лучшем случае черныбыльское криволесье. Где им почуять хармонтские чудеса и диковины? Из всех, кто был сейчас в Новой Голландии, только мы с Натали нюхали Хармонт, да еще, понятное дело, Эйнштейн.

При чем здесь Хармонт, спрашивается? Самому бы мне это уразуметь...

– Всем стоять! – ору я. – Оставаться на местах! А ты куда прешь, идиот?

Опоздал. На остатках газона, тянущегося вдоль Адмиралтейского канала, разлеглась «комариная плешь», я-то ее отлично вижу, но вот солдатик, патрулирующий канал... Выра-

зительно хлопнуло – и нет солдатика. Вляпался. Только живописная клякса вместо человека...

И это, что самое поразительное, самая натуральная «комариная плешь». Хармонтская, с детства привычная, а не то ее здешнее подобие, что местные сталкеры прозвали «слоновой пятой»... Чудеса.

Остальных произошедшее с патрульным на секунду парализует. Большинство впервые наблюдают воочию, как действует классический гравиконцентрат; ну и ладно, мозги быстрее включатся.

Кроме пары «комариных плешей», я замечаю «стакан» в водоеме, от него поднимаются характерные испарения, едва заметные на фоне бликующей воды. С чем именно «стакан» – с кислотой или с чем похуже, – надо проверять. Еще в тени одного из бывших пакгаузов притаился «тещин язык», а буквально в трех шагах, в проходе между корпусами, ждет своих жертв вертикальная «давилка».

А еще – на чистой, вылизанной территории базы появились неожиданные подарки, которых здесь не просто не должно быть, которых не могло быть. «Черные брызги» под скамейкой. «Пустышка» на газоне. Кучка «газированной глины» – возле выцветшей таблички: «Спасибо, что побороли желание ходить по клумбам». Клумб давно нет, зато табличка жива и здорова... Что ловушки, что артефакты – ну совсем не отсюда! И те, и другие не имеют никакого отношения к питерской Зоне, словно с неба в этот мир свалились.

Плюс солнце...

Солнце жарит ну никак не по-питерски. Неестественная зелень быстро сползает с неба, оставляя бездонную, выцветшую голубизну. Циклопический, пугающий вырез в облаках не двигается с места. Туман, стелящийся над крышами домов, стремится поглотить ясный участок, однако утыкается в невидимую преграду, в результате чего мы словно в колодце – словно перенеслись в пространстве и времени. Из Санкт-Петербурга непонятно куда. В Хармонт?

Что-то сместилось у меня в сознании. Провал в прошлое, тягостный сон, потеря чувства реальности... мучительные секунды.

Слышу, как кричит Эйнштейн, не жалея горла:

– Двигаться только тем, у кого с собой пробник! Передавайте по цепочке, живо!

Связь не работает, ни обычная, ни ультразвуковая. Как жить без связи? Размякли мы на этом острове, курортники, блин, так что общую растерянность понять легко. Но Эйнштейн профи, мгновенно сориентировался. Секунду-другую я слушаю, как умело шеф организует маленький гарнизон, громко раздавая команды (кого-то посылает за пробниками, кого-то подражает эвакуировать из воды лаборанта), и быстро успокаиваюсь. Чем бы ни был дьявольский прорыв – или что тут на нас обрушилось, – справимся. Потому что главный итог всех этих странностей – мы с Натали живы и целы.

Странности в Зонах имеют неприятное свойство убивать. Сегодня обошлось...

Как раз подходит Натали, ведя за руку Жужу. Моей супруге пробник не нужен, чтобы свободно передвигаться. Если питерская Зона для нее пока не стала открытой книгой, то уж в хармонтское-то дерьмо она вляпаться не способна.

Леденец, увидев Жужу, непроизвольно пятится. Реакция естественная, если вспомнить, что с ним давеча сделала эта девочка, с виду – особенно когда в очках – безобиднейшее существо.

– Гоблин, ты как? – интересуется моя ненаглядная.

Гоблин – это я. Ласковое семейное имя – в контру к общепринятому Питеру Пэну. У моей жены все наперекор. Даже близняшки привыкли, иногда радостно дурачатся: «Папа – гоблин, папа – гоблин!»

– Не дождетесь, – отвечаю. – Сами-то как?

– Все нормально, выжили. С подопечными там по-разному, – машет она рукой в сторону Бутылки. – «Химики» легко перенесли. «Инфразвуковикам» хуже всего, половина в коме, не знаю, чем их шарахнуло. А меня, я думала, разорвет на куски. Что это было?

– Электромагнитная буря. Зона вдруг сошла с ума.

– Да я про вообще.

– Ах про вообще... Ну, вот, Леденец допустил, это новый Лоскут появился. А потом передумал.

– Лоскут передумал появляться?

– Да нет, Леденец засомневался...

– Тут засомневаешься, – кивает она. – Ни на что не похоже... Хорошо я, блин, развлеклась! Проветрилась, блин... – Она застывает на миг, прислушиваясь к себе. – Странное чувство, Пит. На мозги что-то давит, как будто...

– Как будто – что?

– Да ну, чепуха. Не может быть.

– Последствия бури?

– Наверное, – соглашается она с сомнением.

– Пэн, я так понимаю, на сегодня испытания отменяются, – говорит Леденец, глядя в землю и стараясь не встречаться с Жужей взглядом. – Я тебе больше не нужен?

– А ч-ч-чего с-разу от-т-т... – яростно заикается Зайка. («Отменяются», – договариваю, помогаю я ему.) Он тоже встал и отряхивает прилипшую к телу крошку. Выгибает горбом свою жутковатую спину, потом щелкает резинкой плавок. – Я ма-ма-ма-гу!

– Какие испытания, ребята? – отмахиваюсь я от них обоих. – Расслабься, Мурат. Не дури, одевайся... А ты вали, конечно, – это уже сталкеру.

Леденец с готовностью прокашливается, собираясь выйти в эфир и потребовать у шефа вводную, но Эйнштейн, оказывается, уже здесь, подошел сам.

– Малыш, – говорит он мне (ненавижу это обращение!), – надо составить карту аномалий. По всему острову. И как можно быстрее. Наташенька, ты поможешь?

Он прав, карта сейчас – самое насущное, и кроме меня с Натали, никто с этим не справится лучше и быстрее. Эйнштейн, само собой, тоже бы справился, для него, как и для нас, хармонтская хрень – родное и близкое.

Но сейчас ему не до того. Дело босса – задавить панику, восстановить охрану объекта, занять людей, оказать помощь пострадавшим аномалам. В конце концов, обеспечить всех пробниками, пока мы не сделали карту, – это тоже на нем. Кроме того, я слышал собственными ушами, как Эйнштейну доложили, что выжгло все системы, включая охранные, всю электронику и электрику.

А главное, накрылось электроснабжение базы. Во-первых, исчезла «сучья прядь», наш халявный источник питания, казавшийся вечным. Как – исчезла? А вот так, нет ее больше, в том месте теперь – обычная площадка. (Зато кругом «комариные плеши»!) Плюс разрядились аварийные аккумуляторы, это во-вторых.

То, что электричества нет, я вижу предельно отчетливо. На столбах, под землей – кабели, провода... Мертвый металл. И девайсы, которыми укомплектованы местные спецы, сдохли все до единого, этому печальному обстоятельству тоже не укрыться от моего взгляда. При желании могу рассмотреть каждую сгоревшую и потекшую детальку, так что зря бойцы мучают гарнитуры да пытаются оживить локаторы с анализаторами. В порядке лишь пробники – эталон простоты, чистая механика, не испорченная прогрессом.

Видимо, аппаратуру внутри лабораторного комплекса постигла та же участь, а это уже серьезная неприятность. Оборудованная, цивилизованная территория в один миг превратилась в никчемное место. Эйнштейну все это разгрести. Не завидую.

– Пойдем, женщина, – говорю Натали. – Начальству нужна помощь, сделаем начальству красиво.

Она кивает на Жужу: куда, мол, ее?

– Отведешь в лабораторию? – спохватывается Эйнштейн, адресуясь к Леденцу.

Тот сереет лицом и вымучивает:

– Илья, да тут, это... как бы сказать...

– Ах, да, – вспоминает Эйнштейн. – Вы же не сошлись характерами. Ладно, я сам отведу.

Девчонке на вид не больше десяти лет, а уже сложившийся, сильный аномал. Хотя кто ее знает, может, на пик возможностей еще не вышла. Где он, этот пик, у таких, как она... у таких, как я... как моя Натали... Я, например, только в пятнадцать осознал себя «дитем сталкера» (спасибо Эйнштейну), а способности по-настоящему развил в шестнадцать, уже в России. Ну да бог со мной, не про меня речь.

– Кстати, успели ее протестировать? – спрашиваю Натали. – Какой у нее «тотем»?

– С «тотемом» засада. Илья считает, что из головоногих, каракатица или кальмар.

– Скорее каракатица, – вставляет Эйнштейн. – У каракатиц фотогенные клетки разрезаны, а у кальмаров спрессованы.

Натали фыркает.

– И к какому классу отнесем ее глаза?

– Отнесите лучше куда-нибудь свои жопы, – мгновенно реагирует чудо-ребенок. – Хоть в класс, хоть на толчок.

Смотрит этак простодушно, с невинной миной на мордочке.

Эйнштейн морщится, а Натали смеется. С ней все понятно, сама когда-то была такой (такой не в смысле глаз и прочих физических особенностей Жужу – так же безбоязненно хамила взрослым).

Грубости, которыми наша гостя иногда украшает речь, мило контрастируют с ее наивно-детским видом. Жужа – натуральная блондиночка, ее редковатые волосы заплетены в две тоненькие косички. Беспризорница, маугли Зоны, а следит за внешностью. Наверное, испытывает потребность ощущать себя красивой, словно нормальная девочка, – это обстоятельство, кстати, говорит в ее пользу, а нас, сотрудников Вивария, успокаивает. Нормальность в психологических проявлениях сильно облегчает как адаптацию подопечных, так и контроль над ними.

Уникальные глаза, о которых упомянула Натали, скрыты за толстыми стеклами. Девочка носит большие круглые очки, совершенно ей не нужные, причем линзы предпочитает от дальнозоркости. Если увидеть ее без очков, станет понятно, зачем она уродует себя.

– По-по-покажи чё-нить, – подает голос Зайка-Мурат. Одеваться он не стал, только накинул на плечи полотенце. Наверное, надеется, что начальство передумает и в воду ему залезть-таки разрешит.

Жужа благожелательно хихикает. А чего, ей не жалко, можно и показать. Над ее оголенным плечиком (бретельку майки она привычным жестом сдвигает, чтоб не мешала) проявляется в воздухе – словно из ниоткуда – здоровенная пчела, нервно бьющая перепончатыми крыльями. Живая картинка – яркая и объемная. На загляденье. В пчеле, правда, мало приятного – мутант, жуткое исчадие Зоны, совсем не похожее на обычное насекомое из мирных мест. Но малолетняя аномалка, наверное, других и не видела... Это иллюзия, конечно. Девчонка выпустила аэрозольное облачко, дисперсная фаза которого состоит из биолюминесцентных клеток, управляемых ее же собственным электромагнитным полем. Я бы в случае необходимости мог вмешаться и разрушить мультяшную пчелу, что для меня не сложнее, чем, к примеру, дистанционно воздействовать на мобильник, но зачем? Пусть покрасуется перед Муратом, тем более что иллюзия вполне себе мила и безвредна...

Это сейчас – мила и безвредна. Однако чем-то подобным Жужа пару дней назад зачаровала Леденца до такой степени, что он сутки выполнял приказы маленькой ведьмы и в конце концов привел гостью в Новую Голландию (привел – лишь в том смысле, что показывал дорогу). Ясно, почему железный сталкер до дрожи ее боится.

– Там тетя, – внезапно произносит Жужа и показывает рукой.

Виртуальная пчела тут же растворяется на солнце.

– Что за тетя? – мы спрашиваем в три голоса.

Она снимает очки. Глазищи у нее... да, это что-то. Широкая оправа плюс линзы все-таки скрадывают не вполне человеческий (мягко выражаясь) вид, а так было бы трудно привыкнуть.

У Жужи – «птичье зрение». Глаза не просто навывкате, как, скажем, у людей с больной щитовидкой, а выдаются вперед и вбок. Угол обзора – до двухсот сорока градусов. Радужка пепельно-серая. Зрачки совершают моментальные движения, реагируя буквально на все, причем независимо друг от друга. Даже чисто внешне это впечатляет, но если к тому же знать, что зрение у девочки многофокусное, что монокулярным или бинокулярным оно становится по желанию и что в сетчатке у нее имеется четыре вида цветочувствительных клеток, а не три, как у всех...

– Там, на крыше, – показывает Жужа на здания, тянущиеся вдаль, по другому берегу Адского канала. – Стоит, смотрит на нас. Странная какая-то...

Отсюда, само собой, никакой «странной тети» нам не видно, слишком далеко. Эйнштейн хватается за свой бинокль. Мой остался в Доме коменданта, в моем кабинете, так что я живо сдергиваю оптику с Леденца, он и пикнуть не успевает.

Смотрим, ищем, никого не находим.

– Ушла, – констатирует Жужа и вздыхает с завистью. – А волосы, какие ж у нее волосы... Хочу такие.

Она печально вздыхает, машинально касается своих «мышинных хвостиков»...

Может, всего лишь детские фантазии? Придумала себе маму, которой у нее нет, или воображаемую подругу с волосами, каких у нее никогда не будет, а мы с Эйнштейном понапрасну насилуем зрение и оптику?

Разобраться не успеваем: слышим странный звук, похожий на стон. Натали держится за голову, мучительно морщась. Я подсакиваю к ней:

– Что такое, малыш?

– На мозги все давит и давит. Еле терплю. Как будто снова в Чернобыле.

– И ты молчишь?! – взвизгивает Эйнштейн. – Дура!

– Чернобыля давно нет, схлопнулся! – кричит она в ответ. – Откуда давление? Я думала – это Лоскут шибанул, но до сих пор не проходит, зараза... наоборот, усиливается...

– На что похоже, детка? – торопится спросить Эйнштейн. – Можешь описать?

– На атаку контролера. Ну, бред же... откуда тут контролер... главное, сильный, сука...

Сказала она это, и я сам вдруг осознаю, что испытываю примерно то же, только в стертой форме. Мозги мои и правда что-то прессирует. В чернобыльской Зоне говорили – ментальное давление. Было дело, Натали однажды столкнулась с тварью, прозванной контролером и обладавшей уникальными способностями подчинять чужую волю, – тогда разошлись при своих, встреча закончилась вничью, но сейчас-то? Где Чернобыль – и где Санкт-Петербург?!

Смотрю на Эйнштейна и вижу – его посетили те же мысли, те же ощущения.

Шеф реагирует моментально: возможно, это и спасает Новую Голландию. Заодно и всех нас.

– Надеть шлемы! – командует. – Передать по цепочке! Боевая тревога!

Шлемы похожи на мотоциклетные, с металлической прослойкой внутри, они входят в стандартный комплект сотрудника Вивария, не говоря уже об охранниках. Даже пробники не

столь важны на нашей территории. Шлемы худо-бедно защищают мозг от воздействия электромагнитного поля, а подавляющее большинство суггесторов (в том числе чернобыльский контролер) – именно «электромагнетики». Никакой аномал пока не способен преодолеть эту простенькую защиту; во всяком случае, Натали не может, а она – самый сильный суггестор из всех, кого я встречал. Остается еще акустическое воздействие, но оно не сравнится по действенности с электромагнитным. Так что шлемы – это да. И побыстрее...

Не все успели.

Когда остров атакуют, с четверть наших остается без защиты, то есть без шлемов. С голенькими, ничем не прикрытыми мозгами, дави не хочу. Их и раздавил невидимый суггестор. Вообще экипированы наши секьюрити так себе, стандартные комплекты «Витязь», у которых вдобавок вся электроника к чертям полетела. Охраняют базу обычные контрактники, на вербованные Центром с бору по сосенке. Есть среди них, конечно, ребята опытные, но и они не элита, нет. А остальные... Не будем о грустном.

Плюс некоторое количество сталкеров, которые скорее разведчики, чем охранники. Такой вот гарнизон. В случае серьезного штурма – жидко и неубедительно.

С другой стороны, кто ждал штурма? Ничего подобного не ждали, тем более сразу встык за большим сюрпризом в виде свалившегося с неба Лоскута...

Зачем его вообще штурмовать, этот чистенький остров, лишенный реальных ценностей?

Зато те, кто двинулся на приступ, – натуральный спецназ. Снаряжение по высшему сорту – спецкостюмы, каких я раньше не видывал, гаджеты всякие, причем в рабочем состоянии! У нас даже пьезозажигалки перестали искру давать, а у них почему-то все прекрасным образом фурычит.

Работающие гаджеты, впрочем, засек лишь я. Кто еще, кроме Питера Пэна, смог бы эту странность *увидеть*? Мельком удивляюсь и выбрасываю из головы, не до того. При первых же выстрелах роняю на землю Натали и Жужу, падаю сам и только потом начинаю мыслить. Рефлексы, блин...

– За мной! – кричит Эйнштейн Леденцу. – К двадцать восьмому боксу!

– Вдвоем не удержим, – ворчит сталкер, однако тоже срывается с места.

Пригибаясь, они бегут в сторону Крюкова канала по дорожке вдоль пруда. Эйнштейн оглядывается на нас:

– Горгона, детка, на тебе тварь. Нейтрализуй, иначе накроемся медным тазом...

Как много лишних слов... Хватило бы трех, словоблуд.

Горгона – это Натали. Десять лет, как моя жена отказалась от своей клички, которой когда-то не просто гордилась, а полностью соответствовала, но Эйнштейн помнит, не может забыть. В прошлой жизни он считал ее адовым отродьем, подлежащим уничтожению, – точно такой же тварью, которая прессует сейчас мозги обитателей Новой Голландии. Он вообще с предубеждением относится к аномалам, умеющим влиять на сознание людей, хотя и сам в некоторой степени из таких же. Фобия у шефа на суггесторов, не случайно со шлемом своим не растает даже вне Зоны...

Но куда это – к боксу номер двадцать восемь? Насколько я знаю, на территории базы всего двадцать шесть пронумерованных строений: начиная с первого – Дома коменданта, где все начальство. Цифра два закреплена за Бутылкой. Двадцать шесть – бывшая библиотека (не такая уж и бывшая, некоторые чудики до сих пор оттуда старые книжки таскают). Спрашивается, что такое номер двадцать восемь, а также, до кучи, – двадцать семь? Что боссу там «удерживать»? И какими силами? Если у Леденца винтовка всегда с собой, то Эйнштейн безоружен... хотя оружие, надо полагать, не проблема. Проблема в том, что босс темнит, что-то скрывает. От меня скрывает!

– Хамидов, Брицак, за мной! – слышу его зычной зов. – Остальные на периметр!

Стрельба меж тем пошла нешуточная. И такая тоска меня берет, такая обида на судьбу – за то, что даже пары спокойных дней подарить не может, – что я вою и бью лбом землю, и бешеная злость скручивает мой разум штопором, и еще секунда – вскочил бы как есть и бросился бы на гадов с голыми руками... Только прикосновение Наташки меня успокаивает, она умеет.

Утешает одно: час неурочный (эксперимент с Муратом по ряду причин был запланирован на раннее утро), и подопечные до сих пор остаются в Бутылке, в своих апартаментах, не успели разойтись по лабораториям... Не смогут использовать оказию для побега. Случись все позже – лаборанты без помощи охраны не справились бы, а охранники никак не успели бы помочь, слишком быстро все завертелось, и каждый ствол стал нужен на периметре...

Закончилось все, забегая вперед, тоже очень быстро. Никаких вам безбожно затянутых голливудских баталий.

* * *

Всех перипетий штурма со своей позиции у Ковша я видеть не мог, но впоследствии по рассказам очевидцев сложилась вот такая картина...

Пришлые действовали слаженно, выучка у них оказалась что надо. Через водные преграды перебросили «языки», по которым двинули на нашу сторону. В стальном заборе моментально проделали дыры...

Штурм происходил с двух направлений. Во-первых, с Крюкова канала – препятствие из сплошной стены высоченных пакгаузов ничуть атакующих не смутило. Они стреляли вверх молекулярными присосками на тоненьких леерах, затем шустро поднимались на штурмовых мини-лебедках, словно пауки по паутинкам, – и не прекращали при этом вести огонь.

Густые кусты и деревья по берегам отчасти укрывали их от взглядов защитников (а вся аппаратура, которой кусты не помеха, у нас, напомню, гикнулась).

Наши пытались сдержать наступательный порыв, стреляя с крыш, но охранников там оказалось мало, все-таки эта из водных линий считалась самой защищенной.

В общем, некоторые чужаки прорвались внутрь периметра, спустившись с пакгаузов все на тех же лебедках... Но там им пришлось солоно – укрыться от огня было практически негде, да и все вновь образовавшиеся ловушки стали смертоносным «минным полем»...

Второй вектор атаки – через Адмиралтейский канал, и не абы где, а в районе въезда на Новую Голландию. Здесь восстановлен автомобильный мост, перегороженный с двух сторон. С нашей стороны – стальными воротами. Казалось бы, глупо прорываться через главный вход с кучей охраны, однако же поперли... Развернули слева и справа от моста «языки», но самые отчаянные – именно по мосту, в лоб. Ну и получили тоже – в лоб... Адмиралтейский в сравнении с Крюковым стал для них воистину Адским каналом, прямой дорожкой в Ад.

Спецназ там они или не спецназ, но почти сразу выяснилось, что эти странные парни тупо лезут на рожон. Причем действовали молча, никаких переговоров в эфире, – эту ненормальность я мигом отметил. Аппаратура у них с иголки, а связью не пользуются, ни одного характерного «толчка» я не ощутил. В результате массово гибли – кто в ловушках, кто от пуль. Гибли молча. Как зомби.

Зомбьяками они и были. Термин такой, обозначает людей, находящихся под абсолютным ментальным контролем. Их вела, толкала вперед чужая воля, потому и не дорожили своими жизнями, висящими на крепких нитях. Кукловод двигает пальцами – они послушно исполняют.

Насчет появившихся ловушек. Те из наших, кто успел прикрыть мозги, тоже не обращали на них внимания, потому как не велика разница – пулю словишь или, например, в

«давилке» накроешься (с пульей, впрочем, есть шанс выжить). В общем, я слышал специфические вопли. Кто-то, наоборот, погибал без звука. В той же «комариной плешу» не то что вскрикнуть, испугаться не успеешь... Как потом выяснилось, в ловушках сгинуло не так уж много наших. Пятеро. А чужаков никто не считал.

Но это все я узнал потом...

* * *

Сейчас же Зайка-Мурат стоит на четвереньках возле ограждения и внимательно осматривает поверхность пруда. А пули со стороны Крюкова долетают уже и сюда, пока шальные, неприцельные...

– Ложись, дебил! – ору я ему. – Жужа! Отползай за Кузню! Мурат, за ней!

Оба игнорируют приказ, а мне их туда сопроводить нельзя. Наташа лежит, перевернувшись на спину и закрыв глаза. Вся сосредоточенная, аж пот стекает, пальцы непроизвольно шевелятся. Не знаю, что там за битва разворачивается в ментальном «эфире», но ей лучше не мешать. Антисуггестивное прикрытие целиком на ней. Все те, кто без шлема, возможно, повернули бы сейчас стволы против своих, если б не она, ведьмочка моя. А так – застыли бойцы, кого где поймало, поленья поленьями...

Остается только молиться. Если смерть Питера Пэна прилетит сейчас от Крюкова канала – от канала капитана Крюка, – кому-то такой поворот сюжета может показаться забавным... Но не мне.

Если слухи не врут, вся охрана на острове закодирована от внешней суггестии. На случай как раз такого гипотетического нападения, как нынче. Но если так, наши ребятки должны бы автоматически впасть в оцепенение – такова стандартная реакция при кодировании. Тогда чем занята Натали? Может, пытается прикрыть не столько своих, сколько лезущих к нам зомбей, чтобы вложенная в них программа дала сбой? Чтобы промахивались почаще? Спрошу потом... Все потом, лишь бы выжить...

– Это точно контролер, – произносит Натали придушенно. – Откуда он здесь?

Снять эту тварь, мысленно откликаюсь я. Отобрать у кого-нибудь снайперку... Разряд ненависти пронзает мою электрическую душу.

– Где? – спрашиваю и сразу понимаю, что порыв мой – глупость. Контролеры не лезут на рожон, отлично умеют прятаться и всегда командуют издалека, из безопасного места.

– В районе Поцелуева моста.

Пока в моей голове борется желание рвануть к Поцелуеву мосту (это реально далеко) с необходимостью защищать тех, кто рядом, – раздаётся Жужин голосок:

– Плывут. К нам...

До сих пор она относилась к происходящей катавасии с полнейшим равнодушием. Словно ее чудесные глазки обладают еще и способностью отклонять в сторону пули, сбивать их с траектории... Хотя никто из нас до конца не знает, на что они в самом деле способны...

А сейчас Жужа сняла очки и вглядывается в пруд.

– Кто плывет? – не понимаю я.

– Дядя Петя, ты дурак? Гондоны плывут в канализации! – ласково сообщает Жужа, и Мурат пялится на нее в немом восхищении. – Люди плывут... Раз, два, три... семь мужиков.

Отряд боевых пловцов скрытно проник в Ковш. Со стороны Мойки, проплыв под знаменитой аркой. Арка – маленький шедевр архитектуры, редкостное сочетание красного строительного кирпича и тесаного гранита. Охранные системы выбило в том числе под водой, а в решетке, как позже выяснилось, гости проделали красивое круглое отверстие. И вот они – в самом центре базы.

Две другие группы, которые шли поверху, всего лишь отвлекали внимание, даром что зомби, смертники. Решающий удар планировался из-под воды. А что, нормально придумано. Рейд бы удался, несмотря даже на появившиеся в бассейне «стаканы». Не учли они в своих планах только Зайку-Мурата. А заодно мутировавшие гляделки Жужи, способные видеть сквозь толщу мутной воды...

Мурат ни секунды не ждет, не колеблется, не спрашивает разрешения – сбрасывает с плеч полотенце, перемахивает через стальную оградку и прыгает в Ковш.

«Тотем» у него – электрический угорь.

Вдоль позвоночника у этого убогого зайки-гермафродита сконцентрированы специальные клетки. У нас такие тоже есть, только маленькие и слабые, а у него из них целый горб вырос. Его проверяли на воздухе: чахлое с виду горбатое создание способно генерировать электрические импульсы напряжением до шести тысяч вольт и силой тока до шестидесяти ампер. Ходячий шокер. Воздух ионизируется на расстоянии трех метров. А под дождем или в тумане – гораздо дальше. Как раз сегодня собирались исследовать его возможности в водной среде – во внутреннем бассейне нашей базы, полностью безопасном и защищенном (как мы полагали) от проникновения извне.

Оказавшись в воде, Мурат хватается себя под коленями и выгибает спину. Тело его бешено содрогается...

Ба-бах!!!

И...

Всё.

Испытание возможностей мальчика-угря проведено несколько кустарным способом – пусть, плевать. Зато пловцы всплывают кверху брюхом, фигурально выражаясь. Кто-то, кого удар застиг на вдохе, – вовсе не фигурально. Подводное снаряжение на них облегченного типа, никаких тебе баллонов с регулятором, что и понятно: скуба не нужна, если акция кратковременная. Использовали мембранные «жабры», фильтрующие кислород из воды и позволяющие находиться под водой до тридцати минут, и хватит.

Но, ребята, лучшей электрودочки я в жизни не видывал! Мечта браконьера... Шесть трупов. Лишь один из незванцев, самый дальний в цепочке, остается жив, его-то, оглушенного, позже и доставили в Арестантскую башню на допрос...

С гибелью отряда пловцов штурм прекратился. Повинуясь неслышной команде, обе сухопутные группы развернулись и канули в старых кварталах, бросив раненых и погибших. Куда они там делись, бог весть, никто их не преследовал. И контролер исчез так же внезапно, как появился: Натали только шумно вдохнула, выдохнула и сказала:

– Как же он меня достал, сука...

Этой ее фразой закончилась активная фаза противостояния, начался подсчет потерь и убытков, а заодно – инвентаризация трофеев и пленных.

* * *

В общем и целом день заканчивается благополучно. Потери среди армейских терпимые, да и, если честно, судьба этих вертухаев волнует меня меньше всего. Что в Хармонте были жабы, что здесь... ладно, замнем. Главное, персонал почти не пострадал. Врачи, психологи, прочие спецы, ну и подопечные, конечно, – вот это наиглавнейшее из всего главного.

Подопытный потерял лишь один. Зато уникальный, без преувеличения, экземпляр – уникальный даже на фоне остальных наших подопечных, далеко не заурядных и не обыденных.

Он был известен под милым прозвищем Дракула (с ударением не на первом, а на втором слого). Прозвище ему льстило – валашский господарь Влад «Дракула» Цепеш на сохра-

нившихся портретах гораздо симпатичнее, не говоря уж о киновоплощениях обаятельного трансильванского графа. Достаточно взглянуть на феноменальные акульки челюсти – многоуровневые, многозубые – и на две пары челюстей дополнительных, глоточных (когда Дракула во всю ширь распаивает пасть, увидеть их можно)... И вампирские клыки тезки-графа сразу покажутся безобидной шуткой природы. А уж если посчастливится лицезреть, как подкрепляется наш Дракула – откушенный двухкилограммовый кусок сырого мяса через пару секунд отправляется в желудок уже в виде порции мелкого фарша, – то на фильмах-ужасиках вы будете весело и задорно смеяться, к неудовольствию прочих зрителей.

Дракуле семнадцать лет, он сын сталкера, сгинувшего в чернобыльской Зоне, классический мутант-«зверь». Идеально приспособлен для действий в воде: на ребрах жаберы, кожа покрыта чешуйками, а между пальцев ног – перепонки.

Его с большим трудом изловили в озере Сестрорецкий Разлив – наши сталкеры потрудились, из филиала, Леденец тоже участвовал, – там Дракула обитал, питаясь, по официальной версии Вивария, сырой рыбой и водоплавающими птицами. Правда, бесследные исчезновения купальщиков заставляли подозревать нехорошее, но подозрения – это не доказанные факты. И филиал, и его руководитель стояли и будут стоять на своей версии до упора – мутантов, специализирующихся на убийствах людей, без разговоров и обсуждений у нас изымают и отправляют в НИИ Менеладзе...

И вот теперь это безобиднейшее и полезное для науки существо сбежало. Водным путем, разумеется. Дракула, как выяснилось, давно готовился к побегу, трудясь ночами над решеткой своей камеры-аквариума (зубами, что ли, грыз?)... А сегодня воспользовался оказией, общей суматохой и дырой, проделанной в подводном ограждении боевыми пловцами.

Поисками беглецов у нас опять же занимаются Леденец со товарищи – представляю, как они взбеленятся, если Эйнштейну стукнет в голову идея устроить новую охоту на Дракулу в загаженных речках, протоках и каналах невиской дельты.

Таковы наши потери и убытки.

Теперь о трофеях и пленных...

Раненых допрашивать было бесполезно: как носители информации – безнадежны. Мозги попорчены настолько, что лучше сказать – убиты. Наверное, контролер перед отступлением активировал заранее приготовленное «форматирование диска», если такой термин применим к интеллекту. Но по всем внешним признакам, по экипировке, по огневым комплексам ясно – ребята заокеанские. Из тех примерно краев, откуда мы с Натали имели счастье унести ноги лет десять назад. В карманах или в гаджетах, разумеется, ничего такого, что помогло бы их как-то идентифицировать. Закономерный вопрос: откуда взялись? И зачем светили своей экзотикой, не разумнее ли было переодеться в местное?

Оставшийся в живых пловец – другое дело. До него, видать, тварь не дотянулась, вода помешала. Мы его вытаскиваем, освобождаем от костюма и снаряжения, приводим в чувство. Правда, и этот экземпляр, мягко выражаясь, оказывается изрядно подпорчен в интеллектуальном смысле – такой же запрограммированный зомби, как все прочие. Единственная радость: мозги все-таки не сломаны. Во взгляде – хоть что-то доброе и вечное в отличие от его товарищей, у которых не глаза, а стеклянные пуговицы. Вдобавок возбужден так, что его приходится обездвигить. На любое обращение реагирует одинаково агрессивно:

– I don't give a fuck!!!

Пока Натали с ним возится, пытаюсь вытащить хоть что-то осмысленное, я отвожу Эйнштейна в сторонку:

– Босс, я вам кто? Шкет без морковки?

– Ты о чем? – театрально изумляется он, хотя все понял.

– Что у нас за бокс такой под номером двадцать восемь? А также двадцать семь? Где это все находится? Почему я должен узнавать последним, как тот муж?

– Видишь ли, Петя... – говорит он с незнакомой мне интонацией, явно кого-то пародируя. – Ты и не должен узнавать.

– Не скажете?

– Уж извини... Если так страдаешь от комплекса неполноценности, сходи в кладовую при кухне.

– Зачем? – не понимаю я, побежали-то они с Леденцом совсем в другую от кухни сторону.

– Возьмешь там морковку, скажешь, что я разрешил, – и станешь шкетом с морковкой.

Я бы ему врезал, ей-богу, если б хоть на секунду заподозрил, что босс мне не доверяет. Кому другому точно бы врезал. Но, зная этого жучару с пеленок, отступаюсь. Проверено практикой: если он что-то умалчивает, то это либо для пользы дела, либо для моей же пользы, причем в данном случае скорее второе, чем первое.

Натали меж тем добилась больших сдвигов: теперь пленник, сменив пластинку, добавляет в свой репертуар «Suck my dick, cherry». Натали зовет на помощь Жужу с ее гипнотическими картинками – вдвоем они и продолжают взламывать черепушку идиота.

– Что с картой ловушек? – спрашиваю Эйнштейна. – Мне подключаться к работе?

– Черновая уже составлена. Пройдись попозже, проверь, особенно в помещениях.

– А что с границами нового Лоскута, есть ясность?

– Разведку выслали. Предварительно – масштабы феномена куда скромнее, чем на Невском. В разы меньше. Театральная площадь захвачена целиком, от нее – до Невы, до Благовещенского моста. По ширине – от нас до почтамта. Мы с краешку, восточная часть. Не Лоскут, получается, а Лоскуток. Выброс, очень похоже, произошел над Юсуповским дворцом.

Дворец – старое здание на берегу Мойки, наполовину обрушившееся после Прорыва и знаменитое в основном из-за случившегося в нем некогда убийства «святого старца» Распутина. Леденец, по его словам, в бытность свою вольным сталкером там побывал, но ничего интересного или ценного не обнаружил.

– Выброс... – повторяю я. – Сброс, извержение, отрыжка... Я бы сказал точнее – Посещение.

– Второе? Или уже третье? Давай обойдемся без малонаучной фантастики.

– Как же мы без нее обойдемся, босс? Без пришельцев? Никак не обойдемся, босс. Или вы намекаете, что эта ваша отрыжка Зоны как-то связана с прошлым дворца? Какое-нибудь древнее проклятие Гришки Распутина?..

– Без ненаучной мистики мы тем более обойдемся... Я думаю, это случайность, – пожимает он плечами. – Но вообще мне нравится твой юмористический настрой.

Да, я такой. Первый весельчак в филиале. Эйнштейн, правда, с этим не согласен, но его натужные попытки шутить раздражают не только меня...

А вот и девочки добиваются-таки успеха. Натали кричит:

– Бумагу! И чем писать!

Пленник, впрочем, не пишет, а начинает рисовать. Художественного таланта у него нет, но тот и не требуется.

Основная задача, которую поставили перед моей супругой, – выяснить цель акции, то бишь за каким хреном сюда полезла свора зомбей? Вопрос, кто стоит за этим делом, тоже важен, но чуть менее.

Вскрыть пловца вербально не удалось, он так и не заговорил, – блокировка оказалась крепкой, буквально стальной. Тогда моя ведьмочка зашла через визуальные образы, и тут-то бронированной мозг придурка дал слабину...

Рисунок получается ясный, хоть и упрощенный. Предметы, которые там изображены, не нуждаются в сложном опознании, для их идентификации без надобности консультации со специалистами.

Предметов два. «Джек-попрыгунчик» и «Джон-попрыгунчик». Ни малейших сомнений. Я ж эти артефакты столько времени в руках держал, жил с ними, умирал и воскресал с ними, практически сроднился с ними...

– But we don't want to give you that! – злорадно чеканю я пленнику классическую фразу.

Но рисовальный эскерсис под жесточайшим ментальным контролем доконал содержимое его черепушки, он уже не понимает сказанного и пялится в никуда взглядом-пустышкой – если бы у капустного кочана вдруг прорезались глаза, смотрел бы столь же бессмысленно.

Эйнштейн шутку моего бесподобного юмора не оценил, он всплескивает руками, хватается за шлем и стонет, как чайка перед бурей:

– О-о-о-у-у... Вот тебе и бокс номер двадцать семь! Хотел? На, жри свою морковку!

– В каком смысле? – спрашиваю его, отупев окончательно.

Он тычет пальцем в рисунок:

– Как они узнали?

– Про что узнали, про артефакты?

– Тьфу! Это секрет, да... был секрет. Но теперь можно. Даже нужно – чтобы ты понимал, Пэн, что произошло. В Новой Голландии спрятаны не только малолетние аномалы, но и артефакты. В строении двадцать семь – спецхранилище предметов, доставленных из других Зон.

«Дебил ты лысый, – думаю я в отместку за морковку, – давай ори погромче, а то Жуже ценную информацию даже обсудить будет не с кем... А еще лучше – напиши на здоровенном плакате и вывеси над двадцать седьмым боксом, чё уж скрытничать...»

Инстинкт самосохранения не позволяет мне произнести все это вслух, Эйнштейн в таком состоянии может учудить непредсказуемое. И я лишь скромно интересуюсь:

– А что в двадцать восьмом?

Раз уж босса пробило на громогласное разглашение государственной и служебной тайны – грех не воспользоваться. Но не сложилось...

– Не отвлекайся, номер двадцать восемь не имеет к тебе отношения, – говорит он гораздо тише.

Хвала богам, дотумкал наконец, что рядом личности, никаких допусков не получавшие...

– Как же не имеет, если этот ваш «номер» нуждается в охране больше, чем спецхранилище?

– Ну, ты как маленький, Пэн. Ты вообще понял, что произошло?

– А как же. Кто-то пришел за «попрыгунчиками».

– Да. Ровно в тот момент, когда на нас свалился Лоскут. И у них, по твоим словам, работала вся электроника.

– Совпадение?

– Не знаю.

– Весело, – говорю я, испытывая что-то похожее на азарт.

Адреналиновые штучки, черт бы их побрал. Мне бы не веселиться, а задуматься; может, и заметил бы некоторые очевидные вещи...

Не задумался. Дурак, дурак, дурак... Вместо того спрашиваю, кивнув на поникшего пленника, истратившего остатки мозгов на рисунок:

– А с этим что? И с другими?

– Наташенька, он еще на что-то сгодится? – спрашивает Эйнштейн, но по лицу видно, что мысли его далеко от прозвучавшего вопроса. – Или окончательно стал растением?

– Если ты не планируешь заняться нелегальной трансплантацией органов, то не сгодится, – беззаботно отвечает Натали. – У него теперь рефлексы и умения семимесячного младенца... Кстати, чуеете? Уже в штаны наделал, причем по-крупному.

– Куда его, засранца? – вновь третирую я Эйнштейна.

Свободные камеры в Бутылке имеются, но менять подгузники этому двухметровому дитяtku – удовольствие ниже среднего.

– Ну что ты сам, как младенец, Пэн? – недовольно откликается Эйнштейн. – Пристрой уж куда-нибудь, и других тоже.

После короткой паузы добавляет иным тоном, шутивым:

– Вон, я «давилку» видел, и как раз на пути атаковавших стоит...

– Ладно, будет числиться раздавленным при штурме, – шучу я ответно.

Мы с ним смеемся, Натка тоже улыбается, но слегка неуверенно. Чужак соль шутки не поймет, тут юмор не просто профессиональный – понятен лишь бывавшим в хармонтской Зоне. Для прочих поясню: «давилка» давит досуха, а в человеке, если кто забыл, жидкости составляют примерно девяносто процентов от общей массы. И забрызгает та жидкая составляющая нам половину Новой Голландии...

Для эстетичной утилизации отходов гораздо пригоднее «комариные плешки»: через сутки ни следа, ни остатка, чистенькая «плешь» поджидает новую жертву.

* * *

Короче, возвращаясь к началу.

Эйнштейн, умница, сразу заподозрил: то обстоятельство, что Лоскут возник над Новой Голландией перед началом атаки на нее, – совсем не обязательно случайность... Прощелкал я этот момент. Хотя такая вероятность должна была бы пробрать меня до печенок. Если б знал я, что в этой истории нет и не будет ничего случайного – ну то есть совсем ничего, ноль процентов, – я б сбежал с семьей на край земли.

А если б я уже тогда допер, что вся эта гадская карусель крутится вокруг меня? Лично – меня?

Тогда бы я, обезопасив родных, непременно вернулся. Поучаствовал бы в забаве на равных.

Мечты...

Глава 2. Тихие семейные радости

Какие ассоциации возникают при словах «загородный дом»? Обычно – самые приятные: яркое солнце, свежий воздух, живописные пейзажи за окнами... Соседский мальчишка, с тихим жужжанием триммера подстригающий вашу лужайку, всего-то за два доллара, и тянущийся за ним бесподобный запах свежесрезанной травы, который ни за какие тысячи не купишь в городе.

Ну и, разумеется, барбекю с близкими родственниками на природе или коктейль-пати с друзьями...

Тишина, комфорт, беззаботность. Не жизнь, а времяпрепровождение.

Обо всем вышесказанном можно позабыть, когда речь идет о нашем загородном доме. Плюнуть, растереть и забыть.

Комфорта захотелось... Ха-ха, хи-хи. Туалет в доме, но резервуар опорожнять – мне. Вода – из скважины, нужно регулярно ее закачивать в бак под крышей, и только холодная, сами греем. Газ в баллонах, раз в неделю меняем. В общем, не заокеанская релаксация на лоне природы – все изматывающие «прелести» российской деревенской жизни.

Природы, правда, хватает досыта, в рот уже не лезет, попросишь добавки – стошнит. Ну, это неудивительно, мы с Натали в свое время, когда вырвались из московского кошмара, специально выбрали место, чтоб подальше от людей. Вот и получили, что хотели.

С другой стороны, медвежьим углом наше убежище тоже не назовешь. Вторым условием выбора пункта проживания (кроме безлюдности) было то, чтобы цивилизация оставалась доступной. Под боком, пусть и в отдалении. Нужно было спрятаться от мира, но без фанатизма, пристроиться где-нибудь с краешку...

С нашими близняшками по-другому невозможно. Мы поняли это очень быстро, едва стали молодыми родителями.

Ну, так вот оно, искомое место, получите и распишитесь!

В тайгу бежать нам показалось глупо, выбрали Ленобласть. Деревня Надино, что под Шапками, – вдалеке от трасс и крупных дорог. Места, если без шуток, необыкновенно красивые, особенно летом. Ну а деревня – три десятка участков, протянувшихся вдоль единственной улицы (она же часть проселочной дороги, тянущейся к станции); Надино и в благополучные-то времена было малонаселенным, а ныне совсем заброшенное. Кроме нашего дома, всего лишь в пяти кто-то еще обитает. Мы бы, конечно, запросто могли выжить и этих жалких аборигенов, чтоб остаться в полном романтическом одиночестве, однако решили не жлобствовать и не тупить. Зачем плодить слухи, которые обязательно будут разнесены испуганными селянами? Безопасность нашей семьи это уж точно не укрепит. Куда разумнее стать своими, что мы за прошедшие годы и сделали.

Дом...

Таков он, наш теперешний дом. Бывший хутор, беспризорный и запущенный, расположенный (что ценно) на отшибе от деревни, куплен за копейки. Фермерским хозяйством, естественно, мы не занимаемся, уголья предоставлены сорнякам, но жилые строения, то бишь усадьбу, привели в порядок. Когда есть деньги, это не проблема, а если ты вдобавок под опекой СБ ЦАЯ, отшельником и вовсе быть не обременительно.

Натали даже зимний сад себе устроила. Я – только «за».

Вообще вся бытовуха – на ней и частично на моем папе. Я благополучно самоустранился, оправдывая лень государственными интересами и говнистостью своего непосредственного начальника, господина Ильи Эбенштейна, прозываемого, сами понимаете, Эйнштейном.

В паспорте он, кстати, Илья Джебзайевич Эбенштейн, обалдеть не встать. Имя Элайя русифицировал, а отчество не стал, ну и получился такой вот русско-англо-еврейский номен, который есть омен, но что этот дикий антропонимический гибрид Эйнштейну предвещает, поди-ка пойми...

Вернемся к Натали...

Поначалу я опасался, как бы моя ведьмочка не сорвалась, не пошла вразнос или не впала в депрессию, все-таки во времена нашей юности она была натуральным отморозком, и слово «стерва» для нее тогдашней – слишком, слишком слабое. Кличка Горгона, которую она себе выбрала, пожалуй, лучше всего ее характеризовала... однако те времена давно прошли. Нынче она – мать. Не ожидал я, если честно, что Натали окажется такой самоотверженной матерью. Ради наших девочек она готова на все, включая такой подвиг, как жить в глуши, исполняя роль образцовой домохозяйки. А ведь ей всего двадцать шесть. Молодая женщина, распираемая энергией и фантазиями, мозги которой полны тараканов. Уникальный аномал-суггестор, с раннего детства познавший абсолютную власть над людьми...

Мне – двадцать пять, и моя власть охватывает только технические устройства. Мне с моими способностями легче: гораздо меньше опасных искушений.

Нашим девочкам – по десять. Про их власть лучше не вспоминать лишний раз, чтоб не привлекать внимание серьезных дяденек, любящих ставить боевые задачи... Время власти наших королев еще придет, когда они подрастут и войдут в полную силу... Я очень надеюсь, что придет. Такая у нас интересная семейка...

Вот ведь ирония судьбы! Просто обхохочешься. Чернобыльская Зона сколлапсировала, прекратив свое существование, зато Москва, в которой мы почти уже обжились, внезапно и необъяснимо начала превращаться в чудовищных размеров клоаку, и тогда мы бежали из Москвы. Прибежали к городу Питеру, который, не прошло и пяти лет, тоже превратился в Зону. Понятное дело, мы с женой тут ни при чем (или правильнее сказать – «я ни при чем»?), но иногда проскакивает жутковатая мысль: а не ты ли, Петр Панов, таскаешь все эти Зоны за собой – Хармонт, Москва, Санкт-Петербург...

* * *

Маришка и Анюта стояли с виноватым видом, но было совершенно ясно: виноватыми себя не чувствуют. В паузах, когда мама набирала воздух для очередного вопля, шаловливо переглядывались. А Натали разошлась не на шутку, наполняя сочным контральто чуть не все пространство села:

– Вам что, своих тряпок мало? Ну так попросили бы Максима Кирилловича, он бы вам спустил с чердака пару чемоданов!!! Спустили бы, Максим Кириллович?

Мой отец покивал: конечно, не вопрос. Вот он действительно чувствовал себя виноватым. И правда, отвлекся на рабочих, строящих новую теплицу, оставил близнецов без просмотра почти на час, а в результате...

– На деньги – насрать!.. (Да-да, при детях. В функциях моей супруги, увы, не предусмотрена блокировка по возрасту.) Хотя, блин, почему насрать? Дизайнерские шторы, Италия... китайский атлас... Бли-и-ин!!! Ладно... Но это ж была первая вещь, которую мы с вашим папой приобрели для этого дома!!! Понимаете, вы, чудовища? Нам тогда по семнадцать-восемнадцать лет было!!! И прекратите шептаться, когда я с вами говорю!..

Насчет «шептаться» она была права. Эти их беззвучные переглядывания на самом деле означали активный обмен информацией. Близняшки прочно связаны друг с другом... в том числе ментально, и запросто могут общаться без слов. Эйнштейн считает, что они вообще практически одно целое, чуть ли не коллективный разум, но это, конечно, было не так, учи-

тывая, как часто девочки ссорились между собой, переходя при этом на обычную грызню голосом.

И кстати, неразлучные сестрички несколько отличались друг от друга внешне, то есть вовсе не были двойняшками в классическом понимании. Они были разнояцевыми близнецами. Марина плюс Анна – в память о наших с Натали погибших матерях.

Но чудовищами они, разумеется, тоже были, тут Натали права, – и еще какими чудовищами...

Касательно инцидента (на мой взгляд, centa ломаного не стоившего), то суть в том, что, пока мой папа увлеченно нес по кочкам рабочих-гастеров, случайно обрушивших каркас, дети решили сделать себе красивый платок. Сначала думали вырезать его из маминого платья, но быстро сообразили, что платков надо два – каждой по экземпляру. В результате взгляд юных мастериц пал на шторы в гостиной. Каждая взяла по одной шторе и вырезала кусок – из середины, щедро, не скупясь...

Короче, мелочь из тех, что Натали в хорошем настроении спускает на тормозах. А теперь, мне кажется, она просто сорвалась. Устала из-за этих дел с новым Лоскутом.

– ...Ну и как мне вас наказать? – закончила она. – Да хватит, хватит между собой секретничать! Разговаривайте, как люди.

Маришка показала на резаные куски атласа, которыми Натали все это время страстно размахивала, потупила взор и спросила:

– Мамуля, а какой из платков лучше?

– Тот, который больше! – моментально подсказала Аня. – Если больше – значит красивей, правда?

– А у меня зато с бахромой!

– У тебя только с одной стороны бахрама и неровная!

– Так дедушка помешал нарезать!

Натали в сердцах швырнула тряпки на траву:

– Ну что вы за дети... шлепки майонезные...

А мне вдруг представился альтернативный вариант истории: два презерватива с двумя «майонезными шлепками» внутри канули десять лет назад в канализации – и здравствуй, нормальная жизнь в нормальном месте среди нормальных людей...

Поменялся бы? Глупый вопрос, ответа не имеющий... О существовании презервативов я в свои пятнадцать знал, но чисто теоретически, и никогда не решился бы спросить их в аптеке.

– Прости-и-и, – неискренне заныли близнецы.

Но Натали уже шла в дом, громко ворча:

– Мамуля добрая, но без бахромы... Ничего, подрастете и нарежете... А вот ужин за меня вам никто не сготовит, сволочи...

– Это я виноват, – тоскливо произнес мой отец, он же дед. – Рассказал им про тайский танец с платком... Ну и...

– Папа... – негромко прошипел я рассерженной гадюкой. – Ведь просил: ну не надо, не надо про эту страну при девочках...

– Ладно тебе... Таиланд – страна как страна, природа красивая, люди приветливые, четырежды там бывал... И ничего *такого* в этом танце нет, чтоб ты знал.

Близняшки услышали, у них хороший слух, да и слушают они не всегда одними лишь ушами. Хором объявили с нескрываемой гордостью:

– Да, мы тайские танцовщицы!

Далее развивать скользкую тему при них я не стал, потом с отцом переговорю, наедине.

А он засмеялся, широко расставил руки, подхватил обеих тайских внучек и посадил себе на плечи с такой легкостью, словно это были плюшевые игрушки. Танцовщицы вос-

торженно пищали. Девчонки обожали физическую силу, дикую и прямолинейную, постоянно просили деда (иногда меня) покрутить их в воздухе, держа только за руку; они визжали: «Не отпускай, не отпускай!», а потом ходили тихие и послушные. Психолог объяснил, что их в принципе привлекает мощь, любое проявление силы, а тут буквально под руками такая, по их представлениям, стихия, которая им абсолютно недоступна и непонятна... Да уж, стихия. Папа мой, Максим свет Кириллович, силач от природы – низкорослый, широкий, кряжистый, ни грамма жира лишнего, бревно под два центнера на себя кладет и несет, сколько скажешь. Донесет – и в пробуренную яму аккуратно вставит. Никогда специально не качался, таким уродился. Я его в детстве шкафом обзывал, он меня тумбочкой. Я тоже уродился, папина копия. Такая же уродина, хоть и не столь крут. Натка меня, когда в лирическом настроении, гномом зовет; хотя обычно – Гоблином...

– Правда, что мои «попрыгунчики» опять всплыли? – спросил меня отец.

Мои «попрыгунчики»... Папа, конечно, оговорился специально. Это он их в Хармонте нашел – еще в прошлом веке, между прочим, – да так и не смирился с потерей. Паршивая смесь – гордость, разбавленная обидой. Наверное, подсознательно считает, что лучше бы я их там бросил, перед порталом, чем кому-нибудь отдал, даже русской разведке, спасшей нам тогда жизни. Хотя казалось бы, кто из нас должен быть большим патриотом: я, взрослевший по ту сторону Атлантики, или он, рожденный и выросший на этой земле?

На самом деле он маму мою до сих пор не может забыть. Не может простить ее смерть всему окружающему миру, включая вновь обретенную родину. А детские обиды за отобранные инопланетные цапки – ну, это так, не всерьез, пар выпустить.

– Из-за них всех нас чуть не покروшили, – ответил я ему. – В Новой Голландии, оказывается, есть хранилище артефактов, а в нем, ты прав, держат *твоего* «Джека» и *твоего* «Джона». Я думал, их далеко и глубоко спрятали, а они вон под рукой все время.

– Зачем?

– Научники захотели. Которые при погонах. Во-первых, изучают свойства конфигура- тов...

– Чего-чего?

– Сочетания артефактов. Любые сочетания, какие в голову взбредут. Назвали конфигура- тами. Не представляю, как это все делается, большинство этих штучек надо активировать, а если собрать их вместе, и они разные, то, значит, нужна синхронизация...

– А во-вторых?

– Смотрят, как аномалы взаимодействуют с артефактами и с конфигуратами. Я, конечно, в полном объеме до исследований не допущен, но... Фактически я первый помощ- ник Эйнштейна и узнаю об этих исследованиях только сейчас. Не случись нападения, не узнал бы. Противно.

– Понимаю, Эйнштейн умеет, – с отвращением согласился отец. До сих пор он испыты- вал к боссу, бывшему своему напарнику по сталкерскому ремеслу, острую неприязнь, так время и не зажило эту заусеницу. – И что нового сказал твой Эйнштейн насчет «попры- гунчиков»? Какие результаты... кхм... исследований?

– Взаимодействовать с ними может по-прежнему только один человек. До сих пор дру- гого такого уникала не нашли.

– Ты, – констатировал он.

– Так точно. Я.

– Ну и глупо.

– Что глупо?

– Да изучать в Питере волшебные амулеты, творящие чудеса только в хармонтской Зоне! Смысл? Что они, надеются здесь новую «душевую» отыскать? Третью по счету?

Он был прав, я и сам не видел смысла играть с «попрыгунчиками» в центре питерской Зоны. Эти артефакты – прежде всего ключи к одной из легендарных хармонтских аномалий, которая когда-то носила название «душевая», так что интересоваться этим конкретным, утащенным оттуда хабаром должна была скорее разведка, а не военная наука. И храниться, если по уму, они должны в сибирской Зоне. Почему? Просто потому, что «душевая» – это система порталов, ведущая из Хармонта во все изначальные Зоны: американскую, корейскую, сибирскую, монгольскую, чернобыльскую. Подчеркиваю, только в изначальные Зоны, а не в эти жуткие новообразования, расплзшиеся по крупным городам Земли, как метастазы. Хармонт в этой системе – центральный узел, что-то вроде серверной станции, если пользоваться сетевой аналогией. А «Джек-попрыгунчик» и «Джон-попрыгунчик» позволяют возвращаться в исходную точку, расположенную в хармонтской Зоне, то есть – куда? На территорию противника. Вояки не имеют права не заниматься освоением и предотвращением таких внепространственных переносов, если уж переносы возможны. И они занимают! Насколько я знаю, в Сибири вокруг точки выхода построили мощную стену и рассадили круглосуточно дежурящих пулеметчиков с огнемечиками. (Очень хорошо это помню. Тамошний портал – лежащее на холме звено здоровенной бетонной трубы, почему-то не желающее скатываться вниз, такая вот занятная аномалия. Из трубы мы по очереди и выходили – все, кто бежал из Хармонта.) Так какого, пардон, хрена наши с отцом артефакты, способные послужить стране, пусть даже и гипотетически, томятся в запасниках на задах какого-то там Вивария? Бардак, по-моему. Но спросить у Эйнштейна стоит.

– О'кей, посоветую боссу переправить артефакты в Сибирь, – сказал я ему. – Ты, кстати, знаешь, что местные называют сибирскую Зону идиотским словом «Трот»? Это «торт» наоборот. Почему-то прижилось.

– Потому и прижилось, что идиотское, – он фыркнул. – А началось все с бублика...

– В смысле?

– В прямом. Ну, бублик представляешь? По науке его форма – тор. Территория с особым режимом... Только она не сибирская, та Зона, а скорее уральская. Что у тебя с географией, двоечник?

Какое-то время мы спорили о российской географии, пока девочки на дедушкиных плечах не объявили, что мы скучные. Они сползли на землю и деловито пошагали к качелям с широким двойным сиденьем. Мы посмотрели им вслед.

– Что с той беспризорицей, ради которой вызывали Наташу? – поинтересовался отец. – Вы хоть не зря рисковали?

– Риска никто не ждал, папа, не гони волну. А Жужа – суггестор совершенно нового типа. Будем дикарку изучать, приручать и дрессировать. Спецы говорят, уникальное сочетание аномальностей, с таким до сих пор не встречались. Непонятно, как ее классифицировать, они там не смогли даже определить, какой у нее «тотем». Эти ее картинки из воздуха...

– Ну, приручайте, дрессировщики. Жену свою только побереги, герой.

– Зря ворчишь. Если б не моя жена, мы бы с тобой сейчас не разговаривали. Если б Натка не смогла нейтрализовать контролера... Контролера, папа!

– Надо говорить «Карл». «Контролера, Карл!»

– Спасибо, – хмуро покивал я.

Отец до сих пор обожает меня учить: то географии, то русским идиомам, причем далеко не всегда растолковывает их изначальный смысл, – не знаю уж, какой тут Карл имеется в виду, возможно, барон фон Мюнхгаузен, отчего-то он в России популярен больше, чем в родной Германии.

А еще родитель пичкает отпрыска древними кинокомедиями, фразы из которых давно стали поговорками. Комедии, впрочем, мне нравятся.

– Ты говорил, девчонка видела странную женщину на крыше, – вспомнил отец.

– Если не наврала. И если не глюк. Как проверишь?

– Я вот что подумал... Попроси эту вашу Жужу ее изобразить, ту бабу. В виде своего миража – пусть попробует хотя бы приблизительно. А вы сфоткайте все варианты. Чем не фоторобот?

Я чуть не присел. А ведь действительно... Ну, отец! Вот уж точно, сыщики, как и сталкеры, не бывают бывшими, а он у меня и тот, и другой...

– Жабы выяснили, кто были эти зомби? – спросил он.

– Наемники из ЧВК, бывшие, само собой. Причем заокеанские, белая кость. Откуда они взялись в нашей Зоне, как их прошляпили, никто не понимает. Да бог бы с ней, с Зоной, как они в Россию попали? Контрразведка вся на ушах. Многие головы полетели и еще, думаю, полетят.

Разумеется, чины из армейской контрразведки и прочих силовых структур не стоят навытяжку перед Питером Пэном и не рапортуют о своих доблестных провалах. Но их компы – при всех паролях, кодах доступа и локальных, внутри конторы замкнутых сетях – стоят. Навытяжку. Перед Питером Пэном. И рапортуют.

Я подкинул еще несколько «жареных» фактов (отец любит послушать, как вояки плюхаются задницей в лужу с жидким дерьмом) и ехидно завершил свою речь:

– Доволен, Карл?

Папа дернулся было что-то съязвить мне в ответ...

Тут в наши ворота и постучали.

* * *

Ворота высокие, стальные, как и ограда по всему большому участку. Стучать надо кулаком или ногой. Или кричать.

Переговорному устройству в этой усадьбе по понятным причинам не бывать – и даже простому электрозвонку, и не просите. Нет смысла устанавливать на день-другой, пока близняшки вновь не забудутся и не заиграются...

Любая, самая жалкая электроника-электромеханика – не для нас, убогих. Бак с водой под крышей накачиваю насосом с велоприводом, ноги стали сильными, как у страуса. Натали скоро обзаведется бицепсами культуристки, вручную приводя в движение мясорубку и миксер, ладно хоть от ручной стирки избавлена заботливым Бабуином. Визор изредка смотрю на службе, супруга не смотрит вообще и начинает забывать, что такое компьютер и как с ним управляться... Все еще считаете, что растить детей-мутантов – это прикольно и весело?

Пришли соседи, жившие в крайнем доме. Милая такая парочка, Андрей и его девушка Лена, наши с Наткой ровесники. Своих детей нет. Они поселились возле нас отнюдь не случайно: работали домашними учителями, получая неплохие бабки. Учеников у них было всего двое, вернее, учениц – Маришка и Анюта, наши близнецы. Тепло устроились, если не принимать в расчет, что ученицы-то – чудовища...

Андрей и Лена были педагогами-универсалами, обучали девчонок по упрощенным курсам, но нагрузка – о-го-го. Английским Натали занималась с дочерьми сама, как-никак носитель языка.

А еще оба они, Андрей и Лена, были аномалами, иначе никак. Чтобы с близнецами управляться, надо самому быть не совсем человеком, а лучше – нечеловеком, это я, Питер Пэн, вам говорю. Человека мои детки скомкают и не заметят, иначе зачем бы нам их от людей прятать с самого младенчества? (На самом-то деле мы прячем людей – от них.)

Вот дедушку Максима – не трогают, ни когда заиграются, ни даже когда гnevаются. Любят дедушку. А он ведь у меня обычный человек, мой папа-сталкер... Эйнштейна, кстати,

тоже не обижают, их расчудесный «дядя Илья», когда у нас гостит, свой антисуггесторский шлем в автомобиле оставляет, настолько спокоен за свои мозги. А ведь у человека фобия... Короче, не суть.

Учителей-надомников нам сосватал ЦАЯ. И контракт у этой парочки – с Центром, хотя я бы предпочел платить из своего кармана, так спокойней. Но что есть – то есть.

– Попрощаться зашли? – спросил я у соседей, силясь вспомнить, на какое число у них заказаны билеты, – говорили ведь, да я позабыл.

– Рановато прощаться, у нас вылет только в пятницу. Если вообще полетим... Мы просто так, Пэн, по-соседски заскочили, – сказал Андрей и выразительно посмотрел на меня, потом искоса – на отца.

Что-то странное происходит... Я знал, как нетерпеливо они ждали каникул и своего отпуска, чуть ли не дни в календаре зачеркивали, как готовились к отдыху, как планировали каждую мелочь, – и хорошо понимал ребят. Их любой понял бы, прожив безвылазно полгода, с самых рождественских каникул, в нашей дыре. И вдруг: «Если вообще полетим...» Что стряслось-то?

Учитель нервно улыбался. Подруга его стояла с каменным лицом и, похоже, думала о чем-то своем. Совсем не похоже на обычное поведение Лены, говорливой и улыбчивой. Она девушка не в моем вкусе, однако, согласен, есть тут на что посмотреть и за что подержаться...

– Уведу паршивок в дом, – сообщил мне отец, он у меня понятливый. – Чую, чую, ужином пахнет.

На самом деле просто воспользовался поводом оставить меня с гостями наедине: он же отлично видел, как те нервничают. Светски улыбнулся им и отчалил.

– Пэн, – тут же сказала Лена. – Только на тебя надежда.

– Постараюсь оправдать.

– Ты слышал, что случилось с Общиной Чистых? – это уже Андрей. – В Янино?

– Мы только из-за «колючки». Гоню от себя все посторонние звуки и мысли.

– Ты извини, что дергаем. Просто я у *своего* спросить не могу. Вернее, я спросил, он обещал выяснить. Но знаю я эти обещания – как пообещал, так из головы и выкинул. Я ведь кто? Пешка. Ты, Пэн, фигура, если ты спросишь, тебе ответят.

– У кого я спрошу?

– У *своего*.

– И о чем?

– Ну... про Чистых. Про Янино.

Этот разговор, ставший внезапно путаным и полным намеков, меня раздражал. Когда все прозрачно, можно обойтись и без намеков. На самом деле речь шла о его и о моем кураторах и о наших с кураторами взаимоотношениях. Андрей – хороший парень, порядочный. Чуть ли не в первый день признался мне, что вынужден доносить обо всем, что здесь увидит и услышит, мол, выбора им не дали. А то я и сам бы не догадался! В общем, как честный человек предупредил. Ясное дело, признание это состоялось еще и потому, что он не опасался прослушки (если б опасался, кто ж его знает, как бы себя повел). Собственно, учителя и превратили в доносчика по той причине, что в нашей скромной усадьбе невозможно установить телеметрию: ни в доме, ни на участке.

Вернее, установить-то можно, однако живет эта скрытая аппаратура очень недолго, сестренки-близняшки мгновенно отыскивают ее – и жгут. С особой радостью. Я бы сказал, с садистской. Анюта *видит* технику не хуже меня, в папу уродилась, а гробит и того лучше. Вот и приходится службе безопасности ЦАЯ прибегать к традиционным, проверенным веками методам...

Короче, Андрей мне нравится. Порядочность в его ситуации не в том, что ты гордо отказался стучать (вышибут, взамен приставят другого), а в том, что толку от твоего стука – ноль.

– Что вам до этой секты? – спросил я их. – И хватит уверток, давайте прямо.

– В Общине Чистых – Карина, ее родная сестра, – показал Андрей на Лену.

Она вдруг заплакала:

– Пятнадцать лет... Совсем девочка... Увели, как сгнула...

Ясно, что девочка. Во всех смыслах... В Чистые попадали только девственницы. Говорят, у них там свои гинекологи, постоянные осмотры, проверки. Коллектив женский, никаких исключений, а «община» – всего лишь название, на самом деле – секта, закрытая от мира. Говорят также, что жизнь там организована по монастырскому уставу. Я не очень интересовался, мало ли вокруг Зоны сумасшедших, которые сбиваются в стаи.

– Аномалка? Латентная? – с любопытством уточнил я.

Лена помялась, густо покраснела и еле слышно произнесла:

– Все тесты отрицательные...

Вон оно что... Сестры, надо понимать, они лишь единоутробные, хотя по документам наверняка числятся полнородными, иначе с чего бы Лене так краснеть?

Случается... Разное и всякое случается с женами сталкеров, пока их мужья рискуют жизнью в Зоне, – в том числе зачатие детей с генами чистыми, не изуродованными мутацией.

Значительную часть интереса к юной сектантке я потерял, узнав об отсутствии у нее аномальных способностей. Но виду не подал. Жизнь научила: если хорошо знакомые люди что-то у тебя просят, а тебе это делать ну никак не хочется – не делай. Но и не отказывай, пообещай помочь. Затем, не дожидаясь напоминаний, пару раз спустя приличный срок сам выйди на связь, наври о своих трудах и об объективных трудностях, им мешающих. А спустя еще какое-то время убедительно расскажи, как старался, но обстоятельства оказались сильнее... И всем будет хорошо. Друзья мало того что останутся друзьями, но еще и станут чувствовать себя обязанными за твои хлопоты. И при случае помогут всерьез.

– Вы хотите ее вытащить из секты? – спросил я деловито.

– Да просто узнать, жива ли она еще! – простионала Лена. – Или, может...

– Ты правда ничего не слышал? – отпихнул ее Андрей. – Вся сеть возбуждена, все форумы и чаты. А в официальных новостях пока тишина.

– Где сеть и где мы? – спросил я риторически. – А официальные новости я б узнавал из бумажных газет, да вот беда – перестали их печатать... Слухи – вот и все источники информации. Радио в машине и то сгорело трудами девчонок...

– Кстати, о слухах... Они какие-то дикие: на коммуну в Янино напал то ли вампир, то ли оборотень. Много жертв.

– Оборотень? Наверное, в компании с Фредди Крюгером и Джейсоном?

– Не знаю! – прошипел он. – И мне совсем не смешно! Может, мутант какой новый вырвался из-за колючки. – Он быстро отвел меня в сторону. – Есть инфа, что все погибли, все женщины до единой. Тела сухие, будто высосаны. Ленке не говори... – Оглянувшись на свою подругу, добавил громко: – Мы туда сегодня ездили, только что вернулись. Территория оцеплена, за кордон не прорваться, никаких сведений не дают.

– Я просто узнать, жива ли... – повторила Лена, сделавшись жалкой, маленькой, сникшей. – Я паспорт им совала, гадам, говорила, там моя сестра...

– Попробую все разузнать, – твердо пообещал я.

– Спасибо тебе, Пэн.

– Подожди благодарить...

Глава 3. Те же и Бабуин

Наш куратор приехал незадолго до полуночи.

Красное бесформенное солнце по-прежнему издевалось над здравым смыслом, превращая ночь в день. Погоды по-прежнему стояли восхитительные: комфортная прохлада, безветрие, благодать. Появление этого малоприятного типа изрядно подпортило картину, однако есть все-таки вещи, которые не зависят от нас. Меня это обстоятельство иногда бесит.

Говоря про куратора «наш», я имею в виду не только семейство Пановых – нет, он курирует весь филиал, он здесь «недреманное око» ЦАЯ. И заодно по совместительству занимается Петром Пановым, его чадами и домочадцами.

Последнее обстоятельство меня поначалу озадачивало... Я достаточно общался с жабами, чтобы усвоить некие базовые принципы, на которых организуется их работа. Вот один из них: никогда не делай то, что должен делать подчиненный. Даже если ты способен сделать в три раза лучше и в два быстрее – НЕ ДЕЛАЙ. Натаскай, натренируй, выгони и возьми другого – но не делай, не теряй авторитет.

Однако со временем я привык к визитам «недреманного ока»... В конце концов, я человек в Виварии далеко не последний. Я, как правильно заметил мой сосед, – фигура! Это пешек вроде Андрея и Лены *вызывает* к себе всего лишь младший лейтенант, а к Питеру Пэну для душевных бесед аж сам майор *приезжает*!

Кроме майорского звания, господин куратор имел фамилию, на которую откликнулся, – Бабуин. И прозвище, о котором не знал, – Бабуин.

Последнее он получил от щедрот Илоны, секретарши Эйнштейна. Та допустила опечатку в приказе о допуске на территорию Новой Голландии посторонних, не имевших чести постоянно трудиться в филиале. Прозвище мне нравится больше: одна пропущенная буква, а сколько новых смыслов! Сколько аллюзий и ассоциаций!

У Бабуина я надеялся кое-что разузнать... Кроме того, он привез еду, воду, керосин, солярку, заряженный аккумулятор (обреченный на быструю гибель) и другие драгоценности, необходимые в хозяйстве. Служба безопасности ЦАЯ взяла на себя снабжение моего скромного семейства, против чего я не возражал, как бы ни относился к этой структуре. Иначе это бы пало на меня, а я жутко ленив. Ленивее меня только Натали. Да и магазинов, которым можно доверять, в этой части Ленобласти днем с огнем не найдешь, вся жизнь давным-давно сместилась к заливу.

Солярка с аккумулятором – из-за частых перебоев с электричеством в сети, к последнему из которых, кстати, напрямую причастны близнецы. И эту тему – перебои с электричеством – волей-неволей придется нам с гостем мусолить. Унижаться тоже придется... ненавижу такие моменты!

Он загнал минивэн (служебный, но выглядевший вполне цивильно) на лужайку перед домом. Закрывать за ним ворота я не стал – с намеком, дескать, не задерживайтесь, дорогой гость, и не задерживайте хозяев. Он посмотрел и хмыкнул. Плевать он хотел на мое к нему отношение.

– Принимайте груз, сверяйте со счет-фактурами и накладными, – сказал с иронией. Вылез, потягиваясь.

Его подчиненные, двое в штатском, стали быстренько вытаскивать все из машины на траву. Мой папа брал упаковки и бутылки огромными кипами и перетаскивал их на цокольный этаж, в кладовую. Натали демонстративно осталась в доме, даже не выглянула.

– Птичкам в золотой клетке нужно создавать простоту и легкость бытия, чтоб на свободу не тянуло, – сказал я. – Первое правило специальных служб.

– Это если птички ценные, – уточнил он. – А первое правило другое: не мешай птичкам петь и убирай, когда нагадят. Пока вы поете по нотам, Петр Максимович, вам и вправду не о чем беспокоиться. Все будет убрано...

– То есть импровизировать не рекомендуется? – Намек касательно «нагадят» я предпочел пропустить мимо ушей, ни к чему приближать и без того неизбежное...

– Отчего же? В границах заданной темы... Новый заказ готов?

Я передал ему список, составленный женой. Он, мельком глянув, тут же перепасовал бумажку одному из своих холуев. Спросил:

– Из одежды точно ничего не надо? Мы и подгонку по фигуре при нужде организуем.

– Уж как-нибудь сама Натали справится, – в очередной раз отказался я.

Но Бабуин, похоже, хотел, чтобы его поднадзорная окончательно деградировала, этак до интеллектуального уровня гладиолуса... В видах облегчения надзора.

– Больно смотреть, как супруга ваша мучается.

– А вы демонтируйте камеры, и не будет больно.

В самой усадьбе аппаратура слежения не выживала, однако регулярно появлялась новая, иных моделей, – полное впечатление, что спецы из техотдела все же надеялись эмпирическим путем найти защиту от аномальных воздействий, наивные. Или не надеялись, а осваивали выделенные средства, дабы не урезали финансирование...

Зато вокруг, в некотором отдалении, «жучков» понатыкано с перебором. На всех дорогах, на брошенных домах, даже в лесу. Хотя мои проказницы и туда дотягивались, когда настроение игривое.

– Мы вас не контролируем, Петр Максимович, а защищаем. Есть все же разница. А с одеждой... ну, как хотите. Мне-то не трудно хоть индивидуальный пошив организовать...

Речь шла о детской одежде и о сложностях, с этим связанных. Для Натки важно самой одевать детей – подбирать, выбирать, примерять обновки (последнее – умозрительно). Чисто женский заскок. Она, конечно, не настаивает, чтобы близнецы ходили в одинаковом, – внешне-то они вовсе не двойники, не клоны, а просто сестры, пусть и появившиеся на свет с разницей в пару минут.

На практике – доходило до истерик. Если у Маришки, скажем, синее платье, то Анюта за него держится, не отпускает, хочет такое же. Мы бы и рады покупать все одинаковое, но торговля устроена так, что магазины, включая крупные, закупают вещи одной модели всегда РАЗНОГО размера! Два одинаковых платья одного размера в одном месте не купишь, точную копию нужно искать в другом, и без гарантии, что найдешь. Вот и носится упрямая мама Наташа по всей области, чтобы найти такое же платьице и такого же размера. И это – вдали от городов, вблизи от Зоны... Ну и подгонка по фигуре, упомянутая куратором, это отдельная грустная тема... В общем, скучать Натали некогда, занятие для нее в нашем доме всегда найдется.

– Дети спят? – спросил куратор.

– Надеюсь, да.

– Тоже надеюсь. Кстати, о детях... Историю с ЛЭП мы кое-как замяли, если вам интересно. Списали на «регрессоров», якобы это их очередная вылазка.

Еще бы мне не было интересно! «Кстати, о детях...» Остряк хренов: прозвучали эти слова парафразом известного мема «Кстати, о птичках...», – и неспроста, ох неспроста.

Вот я и дождался неизбежного унижения...

Саркастический ярлык «регрессоры» (в пику известным прогрессорам) приклеили к расплодившимся бандам луддитов, шумно и нагло громившим остатки промышленности – те, что плохо охранялись, – вблизи новообразованных Зон вроде нашей или Московской. Акции они объясняли необходимостью предотвратить расползание Зон, которые, по их мнению, прорываются там, где люди перестарались со своей убогой цивилизацией. На самом

деле, как знали и мы, и полиция, банды состояли на содержании у крупных корпораций, а большая часть вылазок была всего лишь проявлением недобросовестной конкуренции. Разумеется, покушение на священную корову частной собственности с рук не сходило: исполнителей акций регулярно ловили и сажали, но на смену им появлялись новые... Провинциальная молодежь, лишившись перспектив уехать в Москву или Питер, исправно поставляла рекрутов.

– Масштабы диверсии, учиненной сами знаете кем, превосходят возможности любых «регрессоров», – продолжал куратор. – Но мы убедили энергокомпанию... как бы поточнее... не гнать волну.

Издевку господин куратор не скрывал, к чему? Мы с Наткой знали точно, что Бабуин был сторонником куда более строгой изоляции наших близняшек, потому, собственно, отношения с ним и не сложились, однако его настоятельные предложения начальством пока игнорировались.

И недавно он получил очередное подтверждение своей правоты. Чем-то Маришке с Анютой не понравилось воронье, облюбовавшее электрические провода за воротами. Столбы были размещены вдоль главной и единственной улицы деревни. «Достали», – так они нам потом объяснили. Как прогнать шумных птиц? Камнями, палками? Этот способ не для десятилетних девчонок. Вот и начали они раскачивать систему линий электропередачи, дотянулись до распределительной подстанции в Шапках, потом до опорной, не знаю, где она находится, пошли по магистральной высоковольтной ЛЭП и так аж до Колпинской подстанции. «Подтащили» напряжение к нашей деревенской линии, подняв его до 30 киловольт (как система выдержала?). Воронам, само собой, хоть бы что. Тогда девочки, рассердившись, встряхнули частоту, да как – с пятидесяти герц до трех килогерц! По всей огромной цепочке. Всего лишь миллисекунды длился этот импульс, однако последствия... С птицами просто – их мгновенно поджарило. Мертвые тушки попадали в канаву. Что касается местных ЛЭП и двух промежуточных подстанций, то их пока еще не восстановили. Колпинскую вернули в строй в течение суток...

– Кроме технической стороны дела, есть в этой истории еще кое-какие нюансы... но разговор о них на время отложим, – произнес Бабуин и сделал брезгливый жест, словно пресловутые нюансы прилипли к пиджаку и он их стряхивал.

– Да хоть навсегда отложите, я не против.

– Постарайтесь, Панов, чтобы такое не повторилось, – мягко попросил меня майор. – Молчите, не оправдывайтесь и ничего не обещайте. Просто постарайтесь... Давайте посидим в моем автомобиле, у меня есть к вам разговор. Ради этого, скажу прямо, я и приехал сегодня. Мешки вам доставить, – махнул он в сторону коллег, – смогли бы и без моего участия.

Я молча подчинился. Он усадил меня в кресло пассажира, а сам занял водительское место. Почему он предпочел говорить здесь, а не в доме, я понял сразу. И он понял, что я понял, не мог не понять. Кресло под моим задом и «торпеда» передо мной были нашпигованы датчиками, которых обычный человек не заметил бы. Я заметил. Мобильный компьютерный полиграф в скрытном, ненавязчивом исполнении. Программно-аппаратная гарантия честности. Куратор включил оборудование, не особо таясь, и пояснил:

– Извините, Петр, но так надо. Пожалуйста, не жгите тут ничего, оно казенное.

– У вас тоже что-то стряслось?

– Почему «тоже»?

– Да так, к слову.

– Ну, если к слову, давайте начнем с текущей. В какой стадии находится разработка банды мутантов в районе Сенной? Как намерены подбираться к их вожаку?

– В рабочей стадии находится. Хотя Лоскут смешал все карты, надеюсь, вы не станете с этим спорить. А до того наш сотрудник привел девчонку-аномала, называющую себя Жужей...

– По моим сведениям, дело было наоборот.

– Тогда зачем спрашиваете? Нужны подробности, так вот вам: Леденец со своей группой отправился в район Сенной – искать ту самую банду...

– Леденец?

– Командир над сталкерами.

– А, Прокофьев... Продолжайте.

Я продолжил:

– Группу накрыл первый Лоскут, из троих выжил только он. Наткнулся на Жужу, и вряд ли это была случайность. Она засрала ему мозги и заставила привести к нам.

– Зачем?

– Говорит, ей угрожала опасность. Как раз из-за конфликта с вожаком. А Леденец теперь ее до дрожи боится. Если общается с ней, то только в монохромных очках, как, кстати, и ваши охранники. Лично я считаю, нам с Жужей крупно повезло.

– И какие у Эбенштейна на нее виды? Он через нее рассчитывает выйти на вожака?

– Не в курсе, босс меня в свои планы не посвятил. Может, просто не успел.

Бабуин внимательно смотрел на монитор. Я был спокоен, мне скрывать нечего. Он кивнул. Тогда я добавил:

– Мое мнение: разумнее не торопиться и начать с исследований, а потом уже планировать, как Жужу использовать. Но решаю не я.

– Что, если нам вместе попробовать разобраться в замыслах вашего босса? – предложил он, как бы невзначай озвучив только что пришедшую мысль. – Вы присмотритесь к нему чуть более внимательно, поделитесь своими наблюдениями – строго доверительно, тет-а-тет, никакой фиксации...

Предложение было скверно завуалированным требованием стучать на Эйнштейна, и повторялось оно из беседы в беседу. Фактически добрая традиция. Мой ответ, впрочем, был столь же традиционен:

– Мое дело – техника, господин майор, в людях я ничего не понимаю. А наблюдательность мою вы сильно преувеличиваете.

– Ну что вы упираетесь, Панов? Давайте говорить прямо. Вы же русский в отличие от вашего Эбенштейна, хоть и выросли за границей. Неужели патриотизм для вас пустой звук?

– Прямо так прямо, – согласился я. – Связи между патриотизмом и тем, что вы просите, я не вижу. Я и так сотрудничаю по максимуму того, на что способен. Вы же и сам не думаете, что я соглашусь, вы отлично знаете мое досье, вы вообще знаете меня лучше, чем я сам и моя жена. Это если прямо.

Сказал ему все это – спокойно и вежливо.

Он вздохнул. Конечно, он предвидел мою реакцию, но был обязан сделать очередную попытку. Боюсь только, что когда-нибудь это предложение поступит в такой форме, что не откажешься. Не сейчас, и ладно...

Бабуин, однако, имел касательно «не сейчас» свое мнение и активно работал над тем, чтобы частица «не» в этих словах исчезла, испарилась...

Выяснился сей факт, когда в его руках появились фотографии с недавно анонсированными «нюансами».

Куратор достал их как бы между прочим, задумчиво покрутил в пальцах... Перетасовал ловко, точно опытный картежник, – пачечка была солидная, десятка три снимков, не меньше.

Я изобразил равнодушие, даже не пытаюсь разглядеть, что изображено на мелькающих фотках. А сам вдруг понял – наступил главный момент разговора. Тот, ради которого разговор и затевался. Я врал насчет того, что, мол, не разбираюсь в людях; незримые токи, разность потенциалов, управляющих чувствами столь примитивных созданий, как этот Бабуин Павианыч Мартышкин, я видел почти так же отчетливо, как токи обычные. Он здорово напрягся, хоть и играл в невозмутимость. В воздухе повисло напряжение.

Все предшествующее было прелюдией, имеющей целью отвлечь меня и снять защитные барьеры.

– Полюбопытствуйте, господин Панов... – наконец сказал Бабуин ожидаемое.

Полюбопытствовал... На первых снимках были люди, мне незнакомые. И снимки во весь рост, и детально заснятые повреждения – ожоги, у некоторых достаточно серьезные, обширные и глубокие.

– Кто это и что это? – спросил я, когда после десятого снимка однообразие сюжетов начало несколько утомлять.

– Жертвы вспыхнувших и взорвавшихся девайсов, – объяснил Бабуин. – Вернее, взорвавшихся аккумуляторов. Все как один находились поблизости от пострадавшей электролинии или от сгоревших подстанций.

– Вот к чему ведут потуги производителей уменьшать размеры литиевых аккумуляторов и одновременно увеличивать их мощность! – произнес я наставительным тоном.

Ну а что еще сказать? Оправдываться глупо: в моем доме растут две будущие королевы, властительницы мира, и эти мелкие неприятности – всего лишь издержки роста...

– Вы смотрите, смотрите, там чем дальше, тем любопытнее...

Я нехотя продолжил перебирать пачечку.

– Трудно будет этой девушке выйти замуж, – прокомментировал майор следующий снимок. – С одной-то уцелевшей сиськой...

По тону трудно было понять, сочувствует он пострадавшей или издевается над ней. Я промолчал. Не выйдет замуж, так не выйдет, нечего было телефон таскать в нагрудном кармане...

Очередной снимок заставил-таки меня разжать губы:

– Она что, ненароком проглотила телефон? Или это кадр из новой серии «Чужого», по ошибке сюда затесавшийся?

– Не телефон и не проглотила... Внутри гражданки Самулевич Т. В., шестьдесят шестого года рождения, взорвался вживленный ей кардиостимулятор.

– Предупреждают ведь их, предупреждают: не гуляйте со стимуляторами вблизи источников электромагнитных возмущений... А они все равно гибнут по собственной глупости.

Других, кроме Самулевич Т. В., жертв кардиостимуляторов и собственной глупости в подборке не оказалось. Следующий кадр напоминал творение художника-анималиста, специализирующегося на птицах, если бы он, художник, зачем-то решил переписать на свой манер «Апофеоз войны» Верещагина. Громоздилась внушительная груда дохлого воронья: одни птицы обугленные, лишившиеся перьев, другие выглядят почти как живые, есть и промежуточные варианты. И не одни вороны пострадали: в серо-черной вороньей пирамиде виднелось не столь уж мало тушек сорок, голубей и еще каких-то птичек небольшого размера. Наверху, венчая пирамиду, раскинули опаленные крылья два аиста – их гнездо, свитое на опоре ЛЭП, было местной достопримечательностью. Теперь не будет. Оставлю завтра паршивок без сладкого...

Какого-нибудь эколога или гринписовца зрелище мертвых пташек могло расстроить больше, чем вид пострадавших людей и развороченной грудной клетки гражданки Самулевич. Но и начальство Бабуина призадумается, просмотрев эту подборку. А она, без

сомнения, ляжет на начальственный стол, если я не отнесусь с пониманием к просьбе майора, касавшейся Эйнштейна...

Так подумал я – и ошибся. Цель демонстрации состояла не только и не просто в заурядной попытке шантажа и давления. Подгоревшие люди и птицы стали лишь прелюдией, запевкой и присказкой к главной теме. Потому что со следующего кадра на меня уставился персонаж, никаких внешних повреждений не имевший.

– Вам знаком этот человек? – спросил Бабуин ровным голосом, осторожно поглядывая на монитор.

Некто в длинном плаще стоял возле авто и курил. Общий план. Крупный. Лицо...

Конечно, я его знал. Забыть эту гниду невозможно, хоть двадцать лет пройдет, хоть полвека... Прошло всего десять. Через десять лет я снова его увидел.

– Фотки старые? – спросил я, не сомневаясь в ответе.

– Нет, современные. Снято два дня назад.

– Как два дня назад?! Он же абсолютно не изменился! Скорее, помолодел.

– Ну, так кто это? – напомнил Бабуин, не сдержав нетерпения.

– Имени я не знаю. Аномал. Природу его аномальности тоже не знаю, возможно, суггестор. Единственный и последний раз я встречался с ним десять лет назад в институте Бехтерева. Это он руководил группой аномалов, напавших на институт и выкрывших Дэниела Азарру, прозванного Светлячком. О той истории я подробно рассказывал, у вас должны быть записи.

– У нас есть записи ваших показаний, Петр. Просто нужно было убедиться.

– Подождите, я не понимаю... Где это снято?

– На Колтушском.

– На Колтушском шоссе? Не поселок Янино, случайно?

– Янино, именно так...

– Это как-то связано с Общиной Чистых?

– Вы что, уже в курсе произошедшего?

– Только по слухам. Многие там погибли?

Майор расслабился. Вероятно, он опасался, что я среагирую на последние фото как-нибудь неадекватно, например, замкнусь или, наоборот, психану не по делу, и для начала показал мертвых пташек и сгоревшие аккумуляторы. Подготовил, так сказать...

– Все погибли, – буднично сообщил Бабуин. (Несчастливая Лена, мельком подумал я, почти забывший о ее сестренке.) – В янинской коммуне числилось сорок шесть сектанток, и ровно столько трупов там обнаружили... Свидетелей не осталось. Обстоятельства странные, причины массовой гибели до конца не ясны. Молодые девушки – по документам молодые, – а на вид будто столетние старухи.

– Неужели правда вампир поживился? – изумился я. – Или, скорее, стая вампиров? Нет, нет, вампиры, кажется, живут кланами... Следы укусов на шеях нашли?

– Не юродствуйте, Панов. Эксперты затрудняются сказать, что там произошло. Но появление этого вашего старого знакомца – хоть какой-то след. Я перешлю к вам в Виварий выжимки из всех трех дел, может, найдете и другие зацепки.

– Почему трех?

– Потому, – веско произнес куратор, – что это не единственный эпизод.

Я заткнулся. Только и смог сказать:

– Можно закурить?

– Бога ради... (Я изъял сигариллу из пачки. Бабуин выщелкнул себе пижонский «Казбек».) Примерно через три-четыре часа такая же смерть настигла муринскую коммуну Чистых. В доме была всего дюжина женщин, остальные молились на Периметре, повезло им. Количество жертв соответственно гораздо меньше, потому и резонанса нет. И третий

объект нападения – бордель в Юкках. Через пять часов после Мурино. Там среди жертв были и мужчины, три охранника, но в основном тоже женщины. Правда, уже не девственницы. – Он аппетитно посмеялся. – Наши вампиры всеядны.

Я мысленно представил маршрут.

– Получается, кто-то ехал вдоль Кольцевой дороги и развлекался по пути?

– Мог и по Кольцевой, если имел спецпропуск... В случае с борделем кое-какие свидетели нашлись. Двое бродяг засекли группу вооруженных людей – увидели и сразу спрятались, может, потому и живы. – Он вновь поднял взгляд на монитор, где сейчас был выведен какой-то документ, и зачитал: – Дословно: «Неизвестные были одеты в странную форму, какую в наших краях никто не носит».

– Ну уж никто... В специализированных магазинчиках можно купить любую униформу, что где-нибудь шьется на этой планете... А раз продают – кто-то ее покупает и носит.

– Логично... Наш сотрудник, проводивший опрос, сглупил.

«Наш сотрудник...» Не знал даже, что служба безопасности ЦАЯ имеет полномочия вести собственное следствие и дознание в уголовных делах... пусть даже в делах, связанных с проявлением аномальности. Теперь буду знать...

Но ключевое-то тут другое слово: «сглупил», – он сглупил, а я заметил! Вот то-то же... Питер Пэн, господа дознаватели, может кое-чему вас поучить даже на вашей родной полянке... Решив не останавливаться, я выдал новую блестящую идею:

– Покажите им фото зомби с Новой Голландии.

– Уже показали. Бродяги говорят, очень похоже.

Куратор забрал у меня фотографии. А я ненавязчиво поинтересовался, чем вызвано такое странное их сочетание: тип, подозреваемый в массовом убийстве, – и невинные, по большому счету, шалости моих девчонок.

– Больше он в поле зрения камер не попал, к сожалению. Возможно, его появление – случайность, всякое ведь бывает, но, во-первых, такие случайности сами по себе сомнительны. Аномальное проявление, и рядом – неопознанный аномал. Даже если он напрямую не причастен к Янино, логично предположить, что какая-то связь все-таки есть.

– А во-вторых?

– Во-вторых, при любом раскладе этот ваш старый знакомец крайне опасен, его надо или брать, или убирать. И вы, Петр Максимович, единственный, кто видел его, так сказать, воочию, живьем... А он видел вас. Когда проводил операцию по захвату уникально сильного аномала, причем малолетнего... Сколько тогда стукнуло Дэниелу Азарре по прозвищу Светлячок? Десятый год шел? Все еще не видите, в чем здесь связь с тандемом десятилетних аномалок, все активнее демонстрирующих свои силы? Пока на птичках – но с размахом, хорошо заметным со стороны... Совсем-совсем не видите связи? Э-эх, Панов...

С тяжким вздохом он покачал головой, словно сокрушаясь о моей беспросветной тупости...

Но тупости не было и в помине, я все сообразил мгновенно. Проклятый обезьян смешал все в кучу намеренно, чтоб продавить свою старую идею – изъять близняшек, запихать в надежно охраняемое место, – и хочет сделать меня (меня!) сторонником своей бредовой придумки...

Тупости не было. Была злоба – и выростала стремительно, как шапка пены над пивной кружкой. Я не успел осознать, во что намереваюсь эту злобу претворить и как выместить, – грянул мобильник.

Сначала у майора. Он молча послушал с застывшим лицом, отключился и произнес с непонятной интонацией:

– Та-ак-с...

Тотчас заиграл мой телефон. Звонил Эйнштейн.

- Пэн, – прокричал босс, – немедленно выезжай!
- Куда? – возмутился я.
- На кудыкину гору! В аэропорт! В третьей кассе назовешь свою фамилию, возьмешь билет и заграничный паспорт с визой!
- Зачем??? – Мое возмущение трансформировалось в безмерное удивление.
- Через час вылетаем в Хармонт! Визор, что ли, не смотришь?
- А-а-а... э-э-э...
- Да шучу я... – Эйнштейн резко сменил тон. – Обратно выезжай, в Виварий.
- Его еврейские шуточки когда-нибудь приведут к тяжким телесным повреждениям. Угадайте с трех раз, кто их нанесет?
- Хотя можешь не приезжать... – Тон Эйнштейна вновь изменился, стал вкрадчивым, иезуитским. – Если тебя не интересует тот факт, что Лоскут схлопнулся и его больше нет, – отдыхай, развлекайся...
- Еду!
- Давай, жду... – В трубке запиликал отбой.
- С Лоскутом проблемы? – догадливо спросил меня Бабуин. – Мне только что доложили. Чудеса крепчают.
- Я застонал в ответ.
- Собирайтесь, я вас подвезу, – деловито распорядился он.

Глава 4. Сюрприз на Театральной

Шли по улице Глинки – от Никольского собора в сторону Театральной площади. Белая ночь сменялась рассветом, солнце стремительно заполняло мертвые улицы. Опять, как и давеча, небо было подозрительно чистым и ясным.

Южная граница бывшего Лоскутка пролегла по Вознесенскому проспекту. Никольский собор по ту сторону – вместе с его уютным парком – остался во власти прежней Зоны, там хоть сейчас, если пожелаешь, можно было пострелять в «ведьмины гнезда» на березах (ни в коем случае не приближаясь) или полюбоваться «костоломкой», скормив ей пробного кролика (которого мы с собой не имели, недалекоvidно не взяв с собой зомби, угодивших в плен при штурме Новой Голландии).

Здесь, на Глинке, Зоны не было. Вообще, совсем, никакой. Ни привычной питерской, ни хармонтской, прорвавшейся сюда невесть как. Это было так странно, что чувство реальности отказывало, приходилось встряхивать цепенеющий разум.

Вторая группа, ведомая Эйнштейном, двигалась нам навстречу – от Невы, вернее, от площади Труда, северной границы Лоскутка. И они, судя по рапортам, наблюдали то же самое.

Лоскуток исчез, оставив после себя пустые кварталы, лишённые что жизни, что смерти.

Прежде чем выйти на Театральную площадь, Илона остановилась и выпустила из пробника широкий веер шариков, проверяя путь. Она откровенно боялась. Сверялась с предварительной картой, составленной скаутами еще вчера, и не могла поверить, что здесь безопасно. Согласно карте, мы должны были вляпаться в необъятную «комариную плешь», перетекавшую естественным образом в «зыбучий асфальт», и обходить все это раздолье следовало дворами. Шарик полетел, как им положено, по баллистическим траекториям.

– Шагай по прямой, тут везде чисто, – скомандовал я.

Девица была мною поставлена первой не только потому, что место безопасное. Она боялась больше всех в группе. Страх у нее – что надо, активный и полезный. Это очень конкретное чувство, не позволяющее ирреальному влиять на рефлексы, что в нынешней ситуации важнее всего.

Она, к ее чести, не кочевряжилась, не кричала, что окабаневшие мужики делают из баб «отмычки»... Илона Петренко, вольнонаемная, двадцать два года. Вызывающе сексапильна и притом мастер спорта по биатлону. Служит секретаршей при Эйнштейне, а по слухам – дочь какого-то большого туза и поставлена к нам для обретения опыта полевой работы. То есть происходит из породы наивных дурочек, одержимых Зоной – таких нынче прорва, – и не ограничивает себя сидением в кабинете, напрашиваясь на приключения. Впрочем, обязанности секретарши она выполняет аккуратно и четко, лишь в приказах иногда допускает опечатки... преднамеренные и издевательские.

Мало того, она (по тем же слухам) потекает *любым* желаниям босса – в его редкие минуты отдыха, прямо на служебном диване...

Я, честно сказать, слухам не верю и считаю их автора (или авторшу, или коллектив авторов) существом примитивным и от логики далеким: врать надо складно и весело, но дочь большого туза, подмахивающая на служебном диване по первому свистку, – это и скучно, и неправдоподобно... А уж большой туз, отправляющий дочь в Зону, на полевые работы... с Сириуса к нам прилетел, не иначе.

...В группе нас было четверо: Илона первая, я второй, далее – два скаута из вчерашних, и замыкал цепочку Леденец. Если же вести подсчет толерантно и политкорректно, считая женщину за человека и сталкера, то получается аж пятеро.

– Шел Рабинович по улице, – произнес Эйнштейн у меня в ухе. – Нашел деньги. Посчитал. Не хватает... Вот и мне чего-то в этих трущобах не хватает... Панов, ты тут?

– На связи, – откликнулся я.

– Что интересного?

– Абсолютно ничего. И это самое интересное, босс.

Сущую правду сказал! Еще вечером здесь была куча ловушек, печально знакомых мне по Хармонту. Способности аномала, рожденного на территории изначальной Зоны, никуда от меня не делись, помогали выживать в том числе и в чужой Зоне, какой для меня была питерская.

Что касается хармонтских чудес и диковин, то я их в свое время попросту видел. И вчера – видел. Либо в крайнем случае чувствовал. С вероятностью сто процентов (потому меня сейчас и вызвали). Нас, таких уникалов, было здесь двое: плюс сам Эйнштейн. Его мама тоже родила прямо в Зоне. Группы мы с ним поделили между собой, чтоб не дублировать друг друга. Илона, не знаю почему, попросилась в мою...

Кстати, вчера, прежде чем убраться с Новой Голландии, я все-таки обошел остров, проверил новую карту ловушек, составленную в первом приближении, прежде чем кто-то на них гробанулся бы. Проверил также кусок Трассы – той, что вела к Периметру и связывала нас с Большой землей. Теперь получается, вся работа зря. Хорошо, что участком вокруг Новой Голландии не успел заняться, хоть это утешает...

Лоскут схлопнулся. Свернулся в точку. Прежняя питерская дрянь была им сначала сожрана, а новую унесло неведомыми ветрами.

Очевидцы, наблюдавшие за процессом с Новой Голландии, говорят: впечатление было – словно включился гигантский пылесос. Эдаких вселенских масштабов. Никто ничего понять не успел, так быстро все началось и кончилось, знай твердят про какую-то «вспышку грома» (вероятно, был сильный хлопок), причем настаивают на слове «вспышка». Некоторые получили баротравмы – кто ушей, кто зубов, а кто и легких. Для большинства пространство вокруг сделалось мучительно контрастным, для кого-то поделилось на квадратики-пиксели, а один уверял, что увидел атомы, из которых состоит все сущее... В общем, сплошные игры воображения, простимулированные паникой, и ноль достоверной информации.

Похоже, в этом оазисе вообще больше не осталось Зоны. А появился простой кусок города, брошенного людьми и медленно превращающегося в руины. Долго ли так будет? Посмотрим, увидим...

– А слышно-то как хорошо, – сказал Эйнштейн, – даже противно.

Это он про радиосвязь. Которая, что и впрямь поразительно, была стабильна!

Радио, впрочем, в Зоне иногда работает, но без гарантий. Феддинг обычно такой, что от злости готов на стены домов лезть. (В смысле, я готов, а не феддинг, туплю после бессонной ночи...) В том числе в микроволновом диапазоне, не говоря уж о коротких волнах. А сейчас... Ну, идеал, мечта!

– Вот что, ребятки, стоим на месте, – распорядился Эйнштейн. – Мы на своем, вы на своем. Объявляю привал, двадцать минут. Давайте просто посмотрим и послушаем.

– Разрешите сидеть, а не стоять? – спросил я. – Скамейки тут весьма привлекательные.

– Ты командир, сам думай, что разрешать. Оглядитесь, ребятки. Принюхайтесь. Не верю я, что нет подвоха, не бывает такого в Зоне.

Он замолчал.

Насчет «сидеть» я не острил. Мы как раз подошли к первому из Театральных скверов, расположенных по бокам от консерватории, – к тому, в котором памятник композитору Глинке. Привал так привал. Скамейки были грязны, зато безопасны, буквально притягивали уставшие зады.

– Перекур, – транслирую я команду, которую и так все слышали. – Начальство решило, что если мы не находим подвоха, то пусть он сам нас найдет.

Расселись кто где. Мужчины – на землю (опыт!), дама – на заманчивую садовую скамейку. Только Леденец остался стоять, держа штурмовую винтовку наготове. Я его понимал: какие, на фиг, привалы в таких местах? Расслабились – и конец котяткам. В любую секунду мог объявиться кто угодно: стая мутантов, отряд мародеров, еще какая-нибудь нечисть или мразь. Слухи распространяются быстро, особенно о появлении безопасных участков. Так что и мы не дремали, смотрели по сторонам, а не друг на друга.

– Ты почему скамейку не проверила? – спросил я Илону. – Плюхнулась, как корова. А если б там лежал «знойный пластилин»?

Она вскочила. Блондинка и в Зоне блондинка.

– Или это была бы не скамейка, а морок? Проголодавшийся? – предложил один из скаутов.

– Или она просто была бы недавно покрашена, – пробормотал Леденец.

Илона засмеялась. Рассыпала жемчуга своего смеха, как выразился бы поэт. Она вообще смешливая.

– Ты бы меня остановил.

Села обратно, положив ногу на ногу. Даже в спецкостюме повышенной защиты это выглядело соблазнительно.

– Питер Пэн – самая надежная защита, какая есть в Зоне, – сказала она, глядя мне в глаза. – Ты думал когда-нибудь, что ты – тезка города? Город тоже называют Питером. Не Санкт-Петербургом, а Питером. Думаешь, случайность?

– В жизни не бывает случайностей! – наставительно произнес я. – По крайней мере в таких количествах... А Питерсберг в Штатах? А Питервуд в Англии? А Питер-язык-сломаешь-марицбург в ЮАР? Случайности? Не-е-ет, их отцы-основатели предвидели, что я когда-то прослаблю эти названия! Где расписаться?

– Э-э...

– Автограф оставить где?!

– Ох... я сегодня такая рассеянная... нет с собой ни твоей фотки, ни последнего приказа шефа с выговором, что должна была довести тебе под роспись... Знаешь что? Распишись мне на груди! На левой, поближе к сердцу!

– Легко! – И я достаю из широких штанин большой и толстый маркер, им мы помечаем пластиковые контейнеры с собранными образцами.

Расписываюсь. На левой груди... Вернее, теоретически грудь где-то там есть, но маркер отделяют от нее столько слоев, прослоек, вставок (способных, по мнению яйцеголовых, хоть частично ослаблять поражающие факторы ловушек Зоны), что никакая полиция нравов не придерется... А вот Натали – та может, ей для сцены ревности достаточно самого микроскопического повода. Да кто ж ей скажет?

– Заламинирую, – обещает Илона. – Не сойдет ни при стирке, ни при чистке.

Леденец, демонстративно изучавший свой биодетектор, не выдерживает и хихикает.

– Ребята, может, мне погулять где-то полчаса, управитесь?

– Маловато будет, – подначивает Илона.

– Не в этой жизни, – открещиваюсь я.

– Ну да, ну да... – скорбно кивает Леденец. – Ты ведь образцово-показательный семьянин.

– Угу... А еще от двадцати минут, что Эйнштейн щедро отвел на отдых, осталось всего четыре.

– А девчонка-то сохнет по тебе... Вон, в твою группу напросилась, а не с боссом пошла... Давно и безнадежно сохнет. Все видят, кроме тебя.

– Ну почему же безнадежно, – сострил я в ответ. – Надежда всегда есть.

Мой грустный юмор поймет лишь тот, кто видел сцену ревности в исполнении Натки. Словно пленку на десять лет назад отматывают: прежняя Горгона во всей красе...

Леденец ничего такого не видел, счастливец. Он пожал плечами, оглянулся и спросил:

– Судя по твоему тону, сейчас я должен засмеяться? Ха-ха.

– Не оскорбляй мои шутки и их автора! Ты, по авторскому замыслу, должен был сейчас заржать, аки конь!

– Ну, если только по авторскому...

Леденец напрягся и выдал не то чтобы ржание – нечто вроде брачного призыва возбужденного осла. Я показал ему поднятый большой палец.

– Дураки, – констатировала Илона.

Строгий Эйнштейн возник в эфире:

– Хватит развлекаться, вы на работе! Панов, разлагаешь обе группы.

Леденец, который по-прежнему крутил так и сяк биодетектор, вдруг поднял руку: всем ша.

– Пэн, по-моему, вон там что-то живое. – Тон сталкера мгновенно утратил всю игривость.

Детектор целился на руины консерватории...

– На обломках? Или за ними?

– Дальше, с той стороны... Может, глюк?

– Отсюда вижу: прибор не глючит, – отверг догадку я. – Просто далековато для уверенной детекции.

Он зачем-то пару раз встряхнул прибор, словно бы не поверил диагнозу самого Питера Пэна и захотел вытряхнуть наружу пресловутый глюк. Искося глянул на Илону, спросил у меня тихонько, почти шепотом:

– Это не ты случайно шутки продолжаешь шутишь? Не Илонку разводишь, часом?

Я покачал головой. Грешен, люблю пошутить что с людьми, что с техникой, но сейчас серьезен, как покойник.

– А если там вправду кто живой? – огласил я последний из возможных вариантов.

– Если... если... – повторил Леденец уже нормальным голосом. – Если бы у бабушки были яйца... – он сделал паузу, – ...Фаберже, то она была бы очень богатой бабушкой.

Илона хихикнула. Я даже не улыбнулся, уже слышал от Леденца эту фразу.

– Проверим, чьи там яйца и почему, – решил я. – Группа, подъем! Леденец – первый, я – замыкающий. Илона, пойдешь передо мной.

Гордячка-спортсменка не спорила. Я ожидал, что она будет трепыхаться; но нет, подчинилась без звука.

– Осторожно, ребятки, – озабоченно сказал Эйнштейн. – Не хочу, чтоб кто-то выяснил, как тот Абрам, отдельно ли живут в раю мужчины от женщин.

Вышли из сквера на площадь. Красивейшее когда-то место, яркое и праздничное. Слева – императорский оперный театр, зеленый с белым... был зеленый с белым, а сейчас – нечто блеклое с длинными темными потеками.

Здание вроде бы чистое, хотя еще позавчера было загажено «синим студнем» по самый фундамент, внутрь не войти ни с одной из сторон.

Справа – бывшая консерватория, серая и угрюмая пирамида обломков, она казалась продолжением грязного асфальта, громадной опухолью, его вспучившей. А ведь тоже была веселенькой и светлой, даже относительно недавно, в первые годы после Прорыва.

Дорожное покрытие под ногами, как почти везде в Петербурге, в трещинах, сквозь которые пробивается черная трава...

С той стороны консерватории был точно такой же скверик, как и тот, где мы только что перекуривали, точная копия с единственной разницей – памятник другой. Здесь – Ивану Глинке, там – Римскому-Корсакову, тоже композитору.

– Что это за огоньки? – остановился Леденец. – Мерцают, суки...

Я присмотрелся. В скверике под гранитным Римским-Корсаковым и вправду мерцало. На секунду стало не по себе.

Театральная всегда славилась среди stalkеров вещами жутковатыми и необъяснимыми. Но чаще все же не опасными...

Чтоб далеко не ходить за примером: тот же композитор Римский, который Корсаков, в одночасье стал из бронзового гранитным. Статуя полностью сохранила форму и размеры, но материал – другой.

Как?! Каким образом?! – ломают голову яйцеголовые зоноведы. Средневековые алхимики, угробившие жизни на поиски философского камня, ворочаются в гробах и грызут свои бороды.

Ни те, ни другие не ведают, что здесь ваш покорный слуга Питер Пэн тренировал аномала-«химика» по прозвищу Василиск... Удачно, как видите, похимичили. Консерваторию, конечно, немного жаль, толком контролировать отдачу, или обратный выхлоп, Василиск тогда еще не умел...

Но сегодня какие эксперименты?

Мы дружно схватились за бинокли.

– Что за хрень? – изумился Леденец.

– Не может быть, – сказал я, отодвинул с дороги девушку, stalkеров и пошел вперед, ускоряясь и ускоряясь. – Не может быть... не может... ну, не может!

– Пэн, куда?! – вопль сзади. – Стой!

– Что там? – бесновался в ухе Эйнштейн. – Доложите!

– Босс, в сквере мальчишка, – сказал Леденец. – Сидит на скамеечке... Или не мальчишка, не знаю... Выглядит как мальчишка. Мерцает, как новогодняя елка... Пэн пошел туда.

– *Firefly*... – растерянно произнес я.

И тут же перешел на русский, восторженно крикнув Эйнштейну:

– Дядя Илья, это же Светлячок!!!

После чего сорвался на бег.

* * *

Мальчика-аномала по прозвищу *Firefly*, урожденного Дэниела Азарру, в России, естественно, переименовали в Светлячка... Возможно, при получении паспорта он стал бы заодно Даниилом Азаровым, но до паспортного стола так и не добрался.

Все последние десять лет он был для меня трудной темой, источником больных мыслей и незаживающих воспоминаний. Вроде и нет прямой моей вины, а становилось худо, когда вспоминал.

Его привели в хармонтский «Детский сад» незадолго до погромов. Привели родители – сами, без принуждения. Родителей вскоре убили вместе с его сестрой (повесили всех троих на крыльце собственного дома), а мальчик привязался к моей матери, «маме Марине», как звали ее дети.

«Маму Марину» все любили, но Светлячок, по-моему, относился к ней, как к маме без кавычек. Девять лет ему было – чистая душа, белый лист. То безумное бегство по хармонтской Зоне, когда многочисленные отряды убийц наступали нам на пятки, здорово всех сблизило. Мы с моей мамой даже всерьез подумывали об усыновлении Светлячка, отложив этот вопрос до выхода из портала. Но она в портал не вошла... Ее убили.

Эта утрата сделала из меня зверя – так я некоторое время думал, пока не понял, что в тот момент всего лишь стал взрослым (а с годами убедился, что первое отлично сочетается со вторым).

Что касается Светлячка, то ему, видимо, пришлось даже сложнее, чем мне. У меня был папа, была Натали-Горгона, он же остался в полном одиночестве.

И космическая пустота, которую он так не любил, всосала его целиком. Он вошел в лагерь вояк, застреливших маму Марину, и там взорвался, спасая всю нашу обреченную, казалось бы, компанию...

Его не случайно звали Светлячком. Формально пацаненок был аномалом-«химиком», обладавшим способностью к хемилюминесценции. Ну, то есть он светился. Свечение было пульсирующим, модулированным и тем ярче, чем сильнее он переживал (высококобые умники в погонах полагали до того дня, что это свойство военного значения не имеет). Кроме хемилюминесценции, Светлячок владел стандартным набором «химика» – синтезировал воздух и воду, нейтрализовывал яды и кое-что еще.

А неформально... Моя Натали распознала уникальность этого мальчика практически сразу. Он на все смотрит сверху, сказала тогда она, в этом его главный талант. Из космоса – на себя, на нас...

Пазлы он и вправду собирал с потрясающей легкостью, мгновенно решал любые задачи, связанные со сбором целого из частей. Скорость, с которой мальчик расправлялся с подобными головоломками, ограничивалась только быстротой его моторики. Он словно *видел*. Хотя почему «словно»? Именно видел. Сверху.

И вот, спасая нас, он вспыхнул, как звезда, – в окружении врагов. Жесткий ультрафиолет, инфракрасное излучение... Мощность вспышки была страшной. Он полностью выложился, отдал все резервы своего маленького, незрелого организма. Мы выбрались из западни и его вытащили – впавшего в глубокую кому.

Здесь, в России, Светлячком занялись местные спецы. Сначала переправили из сибирской Зоны в военный госпиталь, потом в другой госпиталь, засекреченный по самое не могу, потом в какую-то лабораторию, засекреченную еще больше, потом...

Потом военные врачи отступились. А Светлячок остался в коме.

В результате его спланировали гражданским мозговедам – в петербургский институт имени Бехтерева. (Все это было до того, как сам Петербург превратился в Зону.) Из комы Светлячка вывести не успели, однако к жизни постепенно возвращали, это было видно даже на глазок. Я его часто навещал, специально ездил из Москвы. Сидел возле кровати, вел долгие беседы-монологи – про маму, про нас с Натали, про то, как мы с ним будем жить вместе. Называл его братом. Частенько ночевал в палате...

Почему я говорю «не успели»? Потому что однажды, как раз когда я загостился у Светлячка, за ним пришли.

Они пришли ночью. Какая в Бехтерева охрана? Для проформы – от уличной шпаны да от собственных буйных, если массово забузят и санитары не справятся. А пришли профи. Привыкшие работать чисто.

Ни одного выстрела. Ни одного трупа. И вообще, кажется, никто всерьез не пострадал.

Как они проникли на территорию – никто не видел и не знал.

Предположительно – через бетонное ограждение, выждав паузу между обходами. Как-то обманули следящую электронику, возможно, вскрыли пожарный выход...

Активно проявили себя уже в здании, первым делом нейтрализовав полусонный наряд, дежуривший на первом этаже.

Среди нападавших (сколько их явилось, так и не выяснили, но немного, не больше пяти) явно были аномалы. Замороженная электроника плюс охранники, введенные в транс... нет, без моих «коллег» не обошлось.

Медперсонал, имевший несчастье проснуться и среагировать на незваных гостей, тоже притормозили до полного оупения. Некоторых потом сутки приводили в норму, настолько тяжелым оказался транс.

Палату гости не искали, точно знали, где и кто...

Я, увы, плохо помню подробности, в том числе с моим участием. Точно знаю, что пытался драться (с малолетства был не дурак помахать кулаками), и дрался, как берсеркер, не помня себя. Но что вы хотите от пятнадцатилетнего пацана? Впрочем, тогда мне уже стукнуло шестнадцать. Что не отменяет главного – мой героизм грубо обломали, скрутили руки-ноги, упаковали, благо упаковочного материала для мнящих себя берсеркерами в любом дурдоме с избытком...

А потом появился этот, в дурацком плаще.

Все прочие были в белых халатах, в шапочках и в марлевых масках, а он халат не надел или уже снял... В общем, щеголял в какой-то длиннополой старомодной хламиде. Из домотканой ткани, блин. С одноразовой маской и медицинской шапочкой плащ сочетался исключительно нелепо. Но он, прежде чем заговорить со мной, освободил свою голову от этих лишних предметов.

Я хорошо запомнил его лицо, на всю жизнь. Наверное, это единственное, что я понастоящему запомнил из той ночи: лицо и голос – каждую нотку, каждую интонацию в словах, адресованных мне.

– Петр, – произнес он с трогательной заботой в голосе, – я бы тебя тоже взял с собой, но ты слишком упрямый. Встретимся, когда ты повзрослеешь и поумнееешь. Так что не прощаемся.

Светлячка они переложили на каталку, довели до выхода из корпуса, потом – до проходной, где превратили в идиотов всю ночную вахту; короче, из института похитители вышли, как нормальные люди – через главный вход-выход. После чего бесследно исчезли вместе с мальчиком...

И вот спустя десять лет он появляется невесть откуда в центре питерской Зоны. А Бабуин сует мне под нос фото с его похитителем. А сам я – очень кстати! – повзрослел. Насчет поумнел – вопрос спорный, так что замнем.

Зато Светлячок почти не повзрослел, остался прежним ребенком. Одинокий, потерянный мальчик-огонек, не нужный даже Времени...

Глава 5. Две беды Новой Голландии

Проблему Светлячка мы собирались обсудить в узком кругу избранных, когда основная часть еженедельного совещания завершится и разойдутся приглашенные на него начальники служб, к числу избранных не относящиеся.

Совещания в Новой Голландии по традиции проводились в здешнем кабинете начальника объекта Ильи Джебзайевича Эбенштейна (раз уж такая официальная обстановка, обойдемся без игривых прозвищ).

В здешнем – потому что кабинетов у него два, второй – в нашем офисе в Тосно, там находятся архив, и бухгалтерия, и кадры... в общем, все, без кого учреждение функционировать не может, но кого держать в центре Зоны совсем не обязательно. И Илона, бедная, таскается за ним туда-сюда, как Санчо Панса за Дон Кихотом.

Итак, мы совещаемся на первом этаже Дома коменданта, приспособленного под административные нужды. Евроремонт превратил древнее помещение во вполне современное – никакого сравнения с каменным нутром арестантской башни, в которой живут малолетние объекты наших исследований и где колдуют современные алхимики от военпрома. Хотя, подозреваю, и в былые века здешние коменданты жили в большем комфорте, чем заключенные...

Присутствовали и совещались все заместители Эбенштейна, они же начальники служб, и один из них – зампотыл Мишкунец – всех достал. До печенок. До селезенки. До прочих внутренних органов. Хотя теоретически доставал зампотыл исключительно Илью: проел тому плешь и начал дятлом долбиться в обнажившийся и беззащитный начальственный мозг. Но при этом достал всех нас, такой вот анатомический парадокс. До печенок достал, до...

Кажется, я начинаю повторяться, и это прямое следствие общения с зампотылом Мишкунцом.

Впрочем, обо всем по порядку.

На Новую Голландию среди прочих хармонтских нежданчиков обрушился псевдогрибок. Тоже хармонтский.

Это очень интересный псевдогрибок. Человеческих жертв на его совести нет... Только не спрашивайте, где в микроскопическом псевдогрибке содержится субстанция, именуемая совестью. Совесть – вещь нематериальная, много места не занимает, поместится. Примем как данность: совесть – есть, жертв – нет.

Но для провианта псевдогрибок – самый страшный враг. Массовый убийца продуктов. Маньяк-пожиратель похуже «царскосельского мозгоеда» – тот был сугубым индивидуалистом, и как начал жрать в одиночку, так и продолжал, так и закончил.

Псевдогрибок же существо коллективное, и чем больше жрет, тем многочисленнее становится. А чем многочисленнее становится, тем больше жрет. Теоретически процесс может идти по нарастающей до бесконечности.

На практике экспансию псевдогрибка в бесконечность сдерживает ряд факторов: конечный размер Вселенной, конечное время ее существования и несъедобность для псевдогрибка значительной части составляющих Вселенную объектов. Вот если бы Вселенная целиком состояла из муки или сахара, тогда псевдогрибок, без сомнения, рано или поздно всю бы ее схарчил. И умер бы от голода.

Продуктовые кладовые нашей базы уступают Вселенной размерами. Но и в них псевдогрибку нашлось где разгуляться и порезвиться.

Опускаем процесс и сразу переходим к результату: эта коричневая пакость сожрала в кладовых Новой Голландии все, что смогла сожрать. После чего сдохла от банального голода.

Скорбным голосом зампотыл Мишкунец зачитал список павших.

База лишились свежих фруктов, овощей и корнеплодов. Всех, без остатка. Мука тоже пала жертвой псевдогрибка. И большая часть круп утратилась в борьбе роковой. И масло растительное розливное, ГОСТ такой-то, не миновала чаша сия. И масло сливочное. И мясо парное. И мясо замороженное (отрицательные температуры аппетит псевдогрибку не портят).

Зампотыл Мишкунец читает и читает – нудно и подробно, с килограммами, мешками, ГОСТами... Мог бы сказать проще: уцелело все, что было в абсолютно герметичных упаковках, жестяных и пластиковых, остальному – кранты. Такая вот у нашей базы беда...

Вторая наша беда – Мишкунец.

Он покончил со списком, говорит от себя, от души, от сердца... Особенно его заботят мука и масло, сожранные проклятым грибком (приставку «псевдо-» Мишкунец игнорирует), потому что, кроме персонала, ему, Мишкунцу, надо кормить подопытных, и иным подопытным у нас, сами знаете, палец в рот не клади и руки-ноги сквозь решетку тоже не просовывай, потому что сожрут (он, Мишкунец, извиняется за выражение), но натурально сожрут руку-ногу, откусят, прожуют и проглотят, и это понятно, им калории нужны, нашим подопытным, и много калорий, их травкой да овощами не прокормишь, потому как организм их так уж устроен, ничего не поделаешь; а вот были бы у него, Мишкунца, хотя бы масло и мука в прежнем количестве, он навел бы калорийной болтухи для подопытных, чтобы хотя бы перебиться первое время, но масло и муку сожрал проклятый грибок, и к подопытным теперь не зайти, воют, стонут, и их можно понять, голод не тетка и брюху не прикажешь, им калории нужны, подопытным, и хоть ты тресни, а дай им калорий, и были бы хотя бы масло и мука...

– Мы все поняли, Ставр Гирудович, – говорит Илья Эбенштейн пока еще спокойно (речь Мишкунца при этом не смолкает). – Я понял еще вчера, когда вы приходили ко мне с этим вопросом. Я принял меры.

Бесполезно. Набравшего разбег Мишкунца не остановить. Его нельзя перебить – он не останавливается, услышав чужую реплику, он продолжает говорить и не смолкнет, пока не закончит. Два, или три, или четыре голоса звучат одновременно с ним, ему без разницы, он говорит, пока не скажет, что хотел сказать. Его мысль плутает и кружит, как поляки, ведомые Сусаниным. Он повторяет одно и то же в разных вариантах, разжевывает по десять раз давно понятное...

Он уже в пятый или шестой раз извиняется за слово «жрать» и вновь переходит на муку и масло.

– Будут мука и масло, будут, – говорит Илья, и каждое слово произносит быстро, вклиниваясь в короткие паузы речи Мишкунца. – Я связался с Кронштадтом, они срочно высылают «Любомудр». Груз – масло и мука. Как просили.

Слова «Кронштадт» и «Любомудр» в паузы не помещаются, Эбенштейн произносит каждое в два приема.

Я радуюсь: хорошо, что придет «Любомудр», и дело вовсе не в масле с мукой.

«Любомудр» – крейсерская яхта-швербот, какого-то там класса, не помню я их классы... в общем, один из двух больших шверботов, переделанных в парусно-гребные транспортники (вторым была «Юрмала», вечная память ребятам).

Я люблю парней с «Любомудра», а этим чувством Питер Пэн направо и налево не разбрасывается. Дело вот в чем: хорошо быть героическим сталкером. Тяжело, опасно, порой смертельно опасно – но хорошо. О сталкерах сочиняют книги, их роли примеряют маль-

чишки в своих играх. О них поют баллады под гитару. Их (некоторых, не всех) девушки просят расписаться на груди...

Но будь ты хоть героем из героев – с пустым желудком долго не погеройствуешь.

Героев надо снабжать всем необходимым для их геройства. Нас, базу на Новой Голландии, снабжают по воде, из Кронштадта (Трасса для этого не годится, там перевозят пассажиров и легкие, но срочные грузы).

Нас снабжают они, парни с «Любомудра», мотаясь челноком через мутный, гнусный, местами заболоченный, местами черт-знает-чем-заполненный водоем – через бывшую Маркизову лужу. Эта та же Зона, только мокрая, и согнуться там столь же легко, и страшная судьба «Юрмалы» тому свидетельство. По сути, ребята те же сталкеры.

Но о них не напишут книги, не споют баллады, девушки не будут предлагать грудь для автографа... Потому что возить тушенку, овощи, сахар, муку... и, черт возьми, туалетную бумагу (как ни странно, даже героям она нужна) – в чем тут романтика? Героизм в чем? Вот «триггер» отыскать – это да, это круто... Или мир спасти от Черного Властелина, самозародившегося в Зоне.

А я люблю ребят с «Любомудра»...

Пока я слагал панегирик шверботу и его экипажу, Мишкунец отнюдь не заткнулся, его нескончаемая песня продолжается.

– Едут!!! – громогласно вопит Илья. – Едут к нам мука и масло! Вернее, плывут!!!

Это он зря. Мишкунца не перекричать, проверено. Если оппонент начинает прибавлять громкость и заглушать зампотыла, то Мишкунец тоже подкинет децибелов, ему еще громче, он тоже, и еще, и еще, – ставки растут, стены дрожат, беруши не спасают...

Но теперь в его симфонию вплетается новая музыкальная тема (прежние тоже никуда не делись). Мол, отплывшая из Кронштадта мука, равно как и масло, – это совсем не то, что мука, лежащая на складе, и в котлы с болтушкой плывущую муку не положишь, и масло плывущее тоже, да еще и не факт, что плывут, потому как лишь высылают, а не выслали, может, и не плывут еще никуда мука с маслом, а без масла никак, калорийное оно, масло, а нашим подопытным калории ой как нужны, голодают подопытные, они (извините за выражение) люто жрать хотят, и он, Мишкунец, в Бутылку уже не заходит, потому как...

В такие моменты мне хочется, чтобы филиалом командовал какой-нибудь армейский полковник, а Илья чтоб был его замом по науке. Трудно представить: Питеру Пэну, при всей его «любви» к жабам, – и хочется такого?! Хочется... Бардак и тогда здесь был бы, что за армия без бардака, – но все же не такой всеподавляющий...

Леденец (он у нас запор, зам по полевым работам) сидит с выражением «убейте меня!» на лице.

Г-жа фон Лихтенгаузен царапает что-то на листке из блокнота, складывает его вчетверо, щелчком переправляет мне через стол. Разворачиваю, читаю: «Петенька, при оказии подгони два лимончика к чаю, за мной не заржавеет», – и киваю. Я мотаюсь из Вивария за Периметр чаще других, мне не сложно порадовать Авдотью ее излюбленными фруктами. Хоть и знаю: вовсе не чай она пьет с теми лимонами...

Она мне симпатична – Авдотья Лихтенгаузен, начальник над медиками филиала, зампомед, как официально именовалась ее должность («фон» – это я для красоты).

... Тем временем в масляно-мучной саге наметилась новая сюжетная линия. Илья Эбенштейн (бледный, жалкие остатки волос слиплись от пота) капитулирует. Он сулит сообщить Мишкунцу и время отплытия, и ориентировочное время прибытия «Любомудра», лишь бы тот заткнулся, – и, не откладывая, связывается с Кронштадтом.

Это не просто. База ЦАЯ в Кронштадте – секретный спецобъект, Новая Голландия – тоже. Прямой связи нет. Звонок перекидывают с одного секретного коммутатора на другой, дважды теряют, Илья начинает все сначала.

Дозвонился. Переключает на громкую. Мишкунец не замолкает, но тактично убавляет звук до самого малого, тихонечко бубнит под нос.

Разговор слышат все. И выясняется, что все не так плохо, как нам отсюда казалось, – все значительно хуже.

«Любомудр» отправился еще сутки назад – ударно загрузили, экипаж отказался от законного отдыха. Связь накрылась в расчетное время – как только яхта исчезла из прямой видимости. По расчетам, груз должен бы уже прибыть... Но позже случился еще один внеплановый и короткий сеанс связи, «Любомудр» доложил о своих проблемах.

Яхту атаковали летучие свинки. Эти бестии, над сушей не встречающиеся, людей убивают редко, только если те вскарабкаются на мачты. Экипаж цел, но рангоуту досталось крепко и такелажу тоже, о парусах и речи нет, на решето они не похожи только потому, что в решете дырки мелкие, а в парусах, после атаки свинок, – наоборот... Доложив Кронштадту обстановку, капитан добавил, что парусное вооружение они восстановят своими силами. Не попытаются, не попробуют – восстановят. Потому что их несет к банке Ю-27, и без парусов прочь от нее не выгрести...

После этого оптимистичного обещания капитана связь накрылась окончательно.

Вы держитесь, ободряет нас Кронштадт, помощь придет... но не сразу. Как только «Любомудр» доковыляет до кронштадтского рейда, там уже с инструментами наперевес будут ждать ремонтники. Ремонтно-восстановительных им – на неделю. Люди выложатся, лягут костями и сделают все за пять дней. Сроки прибытия считайте сами.

Кронштадт все понимает. Кронштадт сожалеет. Кронштадт сделает, что сможет, но выше головы не прыгнет.

Отбой. Мишкунец возвращается к прежней громкости.

Вот теперь все действительно плохо. И неизвестно, у кого дела хуже – у нас или «Любомудра». Мы-то поголодаем, да не помрем, в худшем случае свернем исследования, отправим часть персонала на Большую землю, остальным урежем пайки. В совсем уж худшем – потеряем нескольких подопытных.

А им грозит Ю-27... Банки с индексом «Ю» – поганые места. Это не банки в их морском значении, то есть не мели. Большие, до километра в диаметре, линзы не совсем обычной жидкости. Даже совсем необычной – в ней тонет все, что не должно тонуть: дерево, пенопласт, спасательные круги и жилеты... Тонут любые придуманные людьми суда и плавсредства. Плавали бы в Маркизовой луже рыбы – тоже бы тонули на Ю-банках.

Казалось бы, закон Архимеда там отдыхает. Нет, он работает, но такая уж там жидкость. На вид вода водой, а плотность на поверхности, как у жидкого водорода. Должна бы активно испаряться, и довольно скоро должна испариться вся... Не испаряется. Феномен.

Ближе ко дну плотность линзы растет. Неравномерно, скачками. У самого дна плотность примерно как у бензола. Короче, любые придуманные людьми суда и плавсредства, заплывшие на Ю-банку, тонут и зависают в толще линзы. Вместе с людьми висят не то в газе, не то в жидкости.

Нормальная вода, кстати, там тоже тонет, никак с квазиводой не смешиваясь. Оттого возле банок всегда сильное течение – на поверхности направленное к линзе, у дна – обратное. Чем линза больше, тем течение сильнее. И чем ближе к линзе – тем сильнее.

Я не помню характеристики банки Ю-27 (где я и где лоции залива?), лишь надеюсь, что она не из крупных... Держу кулаки за ребят.

Ставр Гирудович Мишкунец судьбой «Любомудра» не озабочен, он понял главное: решение масляно-мучных проблем удалилось в туманную даль. Каких высот трагизма достиг после того вавилонский плач зампотыла, нетрудно представить...

Леденец резко поднимается на ноги. Он без оружия, редкий случай. Пристрелить Гирудыча не из чего, а жаль. Может, шархнет стулом? – с надеждой думаю я.

Не шарахнул... Чеканит: сталкеры отдают три четверти полевых пайков Мишкунцу. Пайки герметичные и уцелели. Забирай! И вали, вали отсюда, болтуху иди варить!

Этот дилетантский наскок Мишкунец отбил легко, играючи: свои пайки товарищ запор пусть сам кушает, если ему, как доброй свинье, все впрок, а мутантский организм нежный, ему, организму мутантскому, консерванты не по нутру и прочие красители с усилителями вкуса тоже (Авдотья с явной неохотой кивает, подтверждая), им, подопытным, натуральный продукт подавай, а весь натуральный продукт сожрал проклятый грибок, и ладно бы уцелели хоть мука с маслом, тогда можно было бы...

Пристрелите его хоть кто-нибудь, а? Или меня...

Леденец круто разворачивается. Выходит. Не спросив разрешения у Ильи. Бардак, как есть бардак...

К двум общим бедам Новой Голландии – к возможному голоду и невозможному, невыносимому Мишкунцу – у Питера Пэна добавляется беда третья. Личная, персональная.

Я на ногах вторые сутки, ни минуты из них не поспав. Паразит Эбенштейн (чтоб его Мишкунец до смерти затретировал, недолго осталось!) выдернул меня из дома сильно после полуночи, я как раз задумывался об отбое, – так рано начавшийся день длится, и длится, и длится, перевалил на вторую половину. Спать хочется дико.

И мозг потихоньку засыпает. По одной отключает свои функции. Мишкунца (о, счастье!) я уже не слышу, только вижу, как шевелятся его губы. Но опозориться, задряхнув на совещании, Питеру Пэну не к лицу. Тру глаза, пощипываю мочки ушей, помогает.

В руках я верчу «чечевицу» – абсолютно безвредный и столь же бесполезный артефакт питерской Зоны, пригодный лишь на сувениры. Илья использует эту как пресс-папье, она крохотная, но тяжеленная.

Я кручу-верчу «чечевицу», машинально, чтоб хоть что-то делать руками, чтоб не уснуть, – и как-то по-особому ее сдавливаю...

Хлопок! Словно лопнул полиэтиленовый пакет, словно его надули и с маху приложили о стол... Но то был не пакет.

Мишкунца нет. Просто нет... У его опустевшего стула расплескалась по полу лужа, неопрятная и пахнущая... Посреди лужи – два начищенных кирзовых сапога, их давненько не носят ни вояки, ни другие силовики – однако же стоят, сверкают. И все. Никаких других следов Мишкунца.

Интересно, интересно...

...Час спустя я заканчиваю обход Новой Голландии. Голод больше ей не грозит. Зато появился неучтенный запас обуви казенного вида.

Это лишь начало. Впереди большая работа по дежабификации, и я...

– Пэн, проснись, Пэн!

...И я рывком поднимаю веки.

В кабинете пусто, лишь я да Илона, трясущая меня за плечо.

Фу-у-у... приснится же... Может, и масляно-мучное совещание приснилось?

Нет, записка от Авдотьи до сих пор лежит у меня под рукой... Задремал я под конец и ненадолго. Спрашиваю:

– А где все?

– На причале, «Любомудр» прибыл.

Остатки сна как рукой сняло.

* * *

Никогда еще у Новой Голландии не швартовалась такая изуродованная яхта...

Обе мачты стали на треть короче – и это уже после ремонта своими силами, а были еще короче, но сейчас верхняя часть мачт связана, слеплена из всего, подвернувшегося под руку: там и кормовой флагшток, и стойки леерных ограждений, и чуть ли не ножки от табуреток.

С парусами та же история: кривые, косые, кургузые, заплат больше, чем основы. На заплаты пущено все: занавески, скатерти, наволочки и даже дамские штанцы легкомысленной розовой расцветки...

(Что за штанцы? Везли заказ какой-то из наших девчонок, не иначе; Зона Зоной, а субботние танцы по расписанию... Впрочем, каждый волен предположить иное, игривенько-похабненькое, и озвучить предположение, и получить от щедрот Питера Пэна осложненный перелом челюсти.)

Экипаж сходит на причал. Вымотаны до крайности, но бодрятся. Мы не спрашиваем, как они с таким убогим парусным вооружением преодолели центростремительное течение Ю-27, каким чудом доковыляли до нас так быстро...

Спрашивать не надо. Ответ у них на... нет, нет, не на лицах. На руках. На ладонях. Ладони у всех забинтованы, сквозь бинты проступает красное.

«Любомудр» – парусно-гребное судно, но длинные весла не годятся для маневрирования в узких каналах. Поэтому два гребных колеса по бортам, а привод внутри, ручной и ножной. Ноги на педали, руки на рычаги-шатуны – поплыли. Механика эта не для дальних странствий, для маневров здесь, в городе, где ветер поймать трудно.

Они не маневрировали... Они спасались от костлявой, дышавшей в затылок и норовившей взять за горло. А потом гнали сюда... С грузом муки и масла, никакой романтики.

Руки забинтованы у всех, даже у трех пассажиров – специалистов, прибывших на перемену. Они мне незнакомы, ничего, сегодня и познакомимся. Один, чернявый живчик, – парень свойский, отсюда вижу. Уже как-то умудрился собрать вокруг себя всех наших девушек и дам и даже суровую Авдотью фон Лихтенгаузен. Что-то увлеченно травит им, и они смеются, все семеро, и даже суровая Авдотья.

Я понимаю, что домой сегодня не попаду и толком опять не выплыву.

И судьба Дэниела Азарры не будет сегодня решена... А будет сегодня водка, и мой виски, и коньяк Авдотьи (фрау Лихтенгаузен иных крепких напитков не признает), и песни под гитару будут, и разговоры обо всем, лишь разговоров о том, как они выбрались и добрались, не будет, говорить о таком не принято, а принято хмыкнуть и небрежно махнуть рукой: случилось, дескать, и похуже...

Капитан «Любомудра» ступил на сходни последним.

Сказав, что люблю ребят с «Любомудра», капитана я в виду не имел. Капитана никто не любит. Его невозможно любить. Его можно только бояться.

Это страшный человек. Грубый, тяжелый в общении, иногда невыносимый.

Он огромен, как шкаф... нет! как Баальбекский монолит. И такой же тяжелый – и походкой, и характером, и всем. У него страшное лицо. Он шагает, косолапя, как медведь. При этом наклоняет голову, как бык. О его силе ходило множество легенд. Пока руку не заменил протез. Теперь легенд вдвое больше – протез биомеханический.

Не знаю, есть ли у него женщина. Страшновато ее представить.

В Кронштадте капитана боятся все. До адмиралов включительно. И в Новой Голландии – все. Даже железный Пэн, который никого не боится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.